

**АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Д. Д. ИНДЖГИЯ

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО ИСТОРИИ И ЭТНОЛОГИИ
АБХАЗИИ**

Сухум, 2025

УДК 93/94(08)
ББК 63.3(5Абж)я4
И 60

Научный редактор – кандидат исторических наук, доцент
С.Ш. Салакая

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент *А.Н. Габелия*

Рекомендовано Учебно-методическим Советом
Абхазского государственного университета

Д.Д. Индгия
И 60 **Сборник статей по истории и этнологии Абхазии.**
– Сухум, 2025. – 132 с.

В сборник включены научные статьи по актуальным проблемам отечественной истории и этнологии.

Следует отметить, что все эти статьи прошли научную апробацию. Ранее они были опубликованы автором в различных научных изданиях, как в Абхазии, так и в научных изданиях Российской Федерации, и было решено издать их отдельной книгой, что облегчит задачу для будущих исследователей и читателей.

Актуальность выпуска данного сборника не вызывает сомнений. Он станет хорошим подспорьем как для студентов исторического факультета, так и для научных работников, преподавателей и всех интересующихся историей и этнологией Абхазии.

Автор картины "Асланбей" на обложке книги Батал Джапуа

Г/Р 978-5-155-93-10023

©Д.Д. Индгия, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Историческое время и архетип абхазов. Особенности абхазского уклада жизни (1864 – начало 1930-х гг.)	4
Абхазская культура в переходный период (конец XIX – первая четверть XX вв.)	21
Особенности решения национального вопроса в СССР и абхазы	30
Становление абхазской исторической школы в 1920-е годы	42
«Абхазпереселенстрой»: цели и задачи	61
Репрессивные практики сталинского режима в Абхазии: этнические, идеологические и социокультурные факторы политического процесса	73
Перевод абхазского алфавита на грузинскую графическую основу	89
Закрытие абхазских школ	94
Военное дело у абхазов в XVIII–XIX вв.	104
Историософский аспект военного этикета абхазов (XIX – первая четверть XX в.)	117

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И АРХЕТИП АБХАЗОВ. ОСОБЕННОСТИ АБХАЗСКОГО УКЛАДА ЖИЗНИ (1864 – начало 1930-х гг.)

Историческое время – категория, применяемая историками для создания последовательного, единого, непротиворечивого и убедительного процесса развития человечества, где каждому событию определено его уникальное место. Время является важнейшей категорией истории, его несущей конструкцией, и, как считают некоторые историки, оно является в каком-то смысле той исторической субстанцией, в которой существуют события прошлого. В соответствии с современными взглядами принято считать, что история развивается во времени и является специфической частью прошлого. Историческое время – одна из разновидностей времени, используемая историками для создания образа прошлого. Его особенности определяются объектом истории – прошлым, а также теоретическими особенностями построения образа прошлого в конкретную эпоху¹.

До XIX века историки пользовались общепринятыми представлениями о времени и только с середины 1930-х гг. стали различать календарное и историческое время. Календарное время – это время астрономическое, однородное, формальное, непрерывное, количественное, время календарей и часов. Историческое время – это темпоральное воплощение социального. У каждого исторического феномена свой ритм, свой тип частоты, своя периодичность². То же самое можно

¹ Историческое время. [Электронный ресурс]. URL: //https://ru.wikipedia.org/ (дата обращения: 05.03.2021).

² Там же.

сказать и об абхазском укладе жизни. Простой крестьянин не делил, как это делают сегодня историки, историю человечества на эпохи – палеолит, мезолит, неолит и т.д. Лишенный академического образования, абхазский крестьянин имел свои пространство и время, которые он понимал и определял по-своему, в основном полагаясь на опыт предыдущих поколений.

У него был свой ритм жизни. Опираясь на опыт старших поколений – аихабы (что буквально дословно переводится как «видевший больше», т.е. «еиханы избахью», иначе «умудренный жизненным опытом»), абхазский крестьянин мало что менял в своей жизнедеятельности, хотя незначительные трансформационные процессы не были лишены его быта. Однако абхазский уклад жизни с XIX в. стал претерпевать серьезные изменения под воздействием внешних механизмов.

На наш взгляд, процесс трансформации абхазского уклада жизни условно можно разделить на три периода:

1. 1864–1917 гг.
2. 1917–1921 гг.
3. 1921–1931 гг.

Первый этап – 1864–1917 гг. В это время происходит последовательная инкорпорация Абхазии в социально-экономическую и политическую систему Российской империи как ее часть, окраина.

Как представляется, модернизация в рассматриваемом регионе имела неорганический характер и определялась реальной политикой российской администрации, предполагавшей качественную трансформацию традиционных социально-экономических и политических институтов и постепенную унификацию присоединенных территорий в общее направление развития имперского государства. Вследствие указанного обстоятельства региональный модернизационный вектор был на-

правлен не на последовательное формирование классического индустриального общества европейского типа, а на выборочную реконструкцию местных социумов, объективное содержание которой детерминировалось стратегическими интересами России¹.

Ненадежные позиции России в автономной Абхазии (по сравнению с другими княжествами Центрального и Восточного Закавказья, которые уже давно были лишены царским правительством суверенитета и входили в состав России на правах военных отделов), а также ее особый интерес к стратегически важному участку побережья, требовал принятия кардинальных мер по изменению статуса региона. Об этом непрестанно напоминали военачальники и наместники, что мы видим, в частности, из рапорта начальника войск в Абхазии генерала М.Т. Лорис-Меликова кутаисскому генерал-губернатору Г.Р. Эристову от 12 августа 1858 года, в котором отмечалось: «Необходимость и важность прочного занятия Абхазии, имеющей единственный хороший порт на восточном берегу Черного моря, – страны, которая, признавая власть России, должна бы служить основанием к распространению нашего владычества по всему восточному берегу, – конечно, не может подлежать какому бы то ни было сомнению. Мы заняли Сухум в 1810 году. С того времени прошло уже полстолетия, и надо сознаться, что влияние наше в Абхазии нисколько не увеличилось, что, действительно, как выразился генерал Филиппсон, мы не владеем, а только занимаем ее. Даже, кажется, вернее предположить, что это занятие в настоящее время менееочно, чем было прежде, ибо тайные происки иностранных держав с целью возбудить против нас племена, населяющие прибрежья восточного берега Черного

¹ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810-1917 гг.). //http://apsnyteka.org/file/trapsh_n_inkorporatsia_abhazii_v_sostav_rossiyskoi_imperii.pdf

моря, в последнее время много увеличились»¹. Особый интерес представляет документ от 26 июня 1864 г. под названием «Рескрипт наместника на Кавказе Великого князя Михаила графу В. Адлербергу о введении в Абхазии русского управления». В нем говорилось: «Высочайшее повеление об устраниении кн. Шарвашидзе от обязанностей владетеля, навсегда с потомством, и о введении в Абхазии Русского управления получено было мною во время последней экспедиции в долине р. Мзимты. Желая лично объявить кн. Шарвашидзе Высочайшую волю и в то же время вызвать его из Абхазии, чтобы при предстоящем преобразовании управления этим краем избежать могущих произойти беспорядков и даже вооруженного сопротивления, я поручил начальнику штаба пригласить кн. Михаила в Кутаис ко времени прибытия моего туда... усматривая из всего, что дальнейшие меры снисхождения в отношении к кн. Михаилу не поведут к желаемой цели, я отправил к нему рескрипт свой, в котором положительно объявляю ему Высочайшую волю и предписал Кутаисскому Генерал-губернатору теперь же ввести в Абхазии Русское управление, наставив на непременном выезде оттуда бывшего владетеля»². 27 марта 1864 года наместник Кавказа великий князь Михаил о необходимости упразднения Абхазского княжества и заселения его казаками выражал сомнение по поводу того, что «должна ли Абхазия оставаться в настоящем ее сложении, т. е. под безотчетным управлением кн. Михаила Шарвашидзе, или же в ней должно быть введено управление, устроенное на других началах»³. При этом он указывал на то, что эта страна еще с 1810 года, раздираемая междуусобьями различных княжеских фамилий, постоянно подвергавшаяся насилию турок и хищничествам горцев, со временем присоединения к России

¹ Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. С. 67.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 68.

получила от Русского правительства внешнюю защиту»¹. Представляет интерес характеристики абхазского народа, даваемые российским чиновником высшего ранга относительно веры и свободолюбия. Наместник пишет Высочайшему брату следующее: «...половина его приняла ислам, другая потеряла почти всякое понятие о религии...»², что указывает на незнание основ религиозного мировосприятия абхазов, сознание которых в то время представляло собой симбиоз традиционных верований с элементами христианских и исламских представлений. Рассуждая о причинах неприятия местным населением присутствия российских войск на его территории, автор письма приходит к мысли о необходимости введения в крае новой системы управления. При этом он понимает, что обвинить владетеля в измене трону нет оснований: «...нельзя не обратить внимания на многие очевидные факты его продолжительной правительственной деятельности...»³. Корень зла наместник видит в традиционных сословных отношениях, в частности между княжеско-дворянскими родами, чьи действия владетель оставляет без внимания. Он указывает на то, что «...грабежи и убийства сделались в Абхазии явлениями постоянными. При таком положении края выгодно ли для России и согласно ли с чувством справедливости и человеколюбия оставлять его под властью владетеля, теперь им управляющего. В отношении политическом это было бы положительно вредно. Уничтожение такой власти, которая умышленно или неумышленно сделала столько зла и так долго делала это зло, составляет обязанность нашего правительства»⁴. Следует заметить, что кровная месть, утверждение справедливых решений на факт отступления от норм обычного права, в

¹ Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. С. 70.

² Там же. С. 69.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же.

абхазском обществе в те времена считались нормой и имели свои последствия. Наместник же характеризует эти явления как господство зла и насилия.

Итак, кн. Михаил Романов рекомендует высочайшему лицу следующее: «1. Владетеля и наследника его склонить отказаться от права владения. 2. Назначить владетелю и наследникам его содержание, их обеспечивающее. 3. Из Абхазии образовать военный округ, который вместе с Цебельдой подчинить особому военному начальнику на правах начальника отделов в областях с подчинением Кутаисскому генерал-губернатору.

4. Если количество свободных земель дозволит, то водворить вдоль берега до устья Ингура казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыби могли бы составить Абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела. 5. Границею между Кубанским и Абхазским войском назначить хребет, замыкающий Гагринскую теснину и отделяющий теперь Абхазию от земли джигетов»¹.

Так, в 1864 г. произошло упразднение царизмом Абхазского княжества, переименование его в Сухумский военный отдел и установление прямого русского управления страной. Последствия этого государственного акта, на наш взгляд, требуют комплексного изучения, так как в условиях современных реалий они могут дать ответы и на текущие проблемы бытия народа и государства.

Комплексное рассмотрение процессов модернизации и инкорпорации Абхазского владетельного княжества в российское политическое пространство целесообразно начать с обобщающей характеристики институциональной структуры Абхазского княжества, сложившейся к началу XIX столетия. Заметим, что

¹ Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. М., 2004. С. 73.

в рассматриваемый период в Абхазии существовала своеобразная модификация традиционного общества, интегрировавшая характерные черты родового строя и так называемого «горского феодализма».

Основным элементом местной экономической системы являлось сельское хозяйство, носившее преимущественно натуральный характер. Скотоводство и ремесло имели подсобное значение, а торговля вообще рассматривалась большинством населения как недостойное занятие.

Для большинства населения наиболее престижными видами деятельности являлись охотничий промысел и военное дело, что в большей степени соответствует так называемой «военной демократии», а не классической модели феодальной формации.

Социальная структура абхазского общества также отличалась значительным своеобразием по сравнению с сословным строем эпохи феодализма, основанным на отчетливой дифференциации отдельных корпоративных групп. Как пишет профессор С.З. Лакоба, «к моменту присоединения к России Абхазия занимала промежуточное положение между демократическими вольными обществами горцев Северо-Западного Кавказа и феодальной системой Грузии»¹.

Абхазское общество возглавлял владетельный князь – Ах, промежуточное положение между князем и крестьянами занимали ашнакума, затем шли атауад и аамста, анхаю цъя и другие².

Определяющую роль в социально-экономическом и политическом развитии абхазского общества играли свободные крестьяне-общинники («канхаюы»), которые составляли большую часть населения. В условиях фактического отсутствия феодальной собственности на землю и крепостного права они обладали

¹ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 11.

² См.: История Абхазии. Гудаута, 1993.

значительной свободой хозяйственной деятельности, которая определяла достаточно высокий уровень материального благосостояния и общественной значимости указанной корпорации. Как представляется, традиционное равноправие различных по социальному статусу землевладельцев являлось важным фактором, способствовавшим естественной консолидации абхазского общества и длительного сохранения его специфической институциональной структуры¹.

Однако вековые традиции хозяйственного взаимодействия не были единственным фактором, определявшим монолитность и устойчивость рассматриваемого социума. Длительное сохранение большесемейной общинны привело к естественному появлению территориальных кланов, социальная стратификация в которых нивелировалась посредством разветвленных родственных отношений и целенаправленного развития института «ата-лычества». Повседневные взаимоотношения между отдельными клановыми сообществами осуществлялись в соответствии со сложившимися нормами обычного права, а владетельные князья приобретали значительные властные полномочия только в случае серьезной военной опасности².

Немецкий путешественник Ф. Боденштедт, дважды посетивший Абхазию в середине XIX столетия, охарактеризовал внутреннее развитие местных социумов следующим образом: «...влияние князей ... всегда было весьма ограниченным. Лишь немногие кланы подчинялись им. Большая часть народа продолжала жить в своеолии, не признавая никакого другого права, кроме кровной мести, до тех пор, пока стране не стали угрожать сильные враги. На время войны князь признавался глав-

¹ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810-1917 гг.). //http://apsnyteka.org/file/trapsh_n_inkorporatsia_abhazii_v_sostav_rossiyskoi_imperii.pdf. С. 219.

² Там же.

ным предводителем, и все добровольно объединялись под его знаменем»¹.

По сути, в Абхазии социальная стратификация имела формальный характер. На это указывали многие авторы. Например, грузинский историк и общественный деятель К.Д. Мачавариани писал, что «в Абхазии между высшими и низшими сословиями не было того антагонизма и той отчужденности, какие существовали в Гурии, Имеретии и Грузии»².

Таким образом, к началу интеграционных процессов Абхазии в Российскую империю существовала своеобразная модель традиционного общества, которая существенно отличалась от феодальных обществ Западной Европы и России. Эти факторы требовали от центра поисков новых механизмов внедрения общероссийских социальных институтов. И как следствие этих попыток – ожесточенное сопротивление горских сообществ, для которых эти меры администрирования были чужды и неприемлемы.

Следует выделить одно немаловажное обстоятельство этого состояния. Публичная власть в горских сообществах основывалась не столько на имущественной дифференциации, сколько на устойчивом функционировании традиционных социально-политических институтов, появление которых было вызвано, прежде всего, наличием постоянной внешней угрозы, а не объективными экономическими процессами.

Модель внедрения внешних, как гражданских, так и военных, механизмов управления над нормами обычного права для абхазского социума оказалась разрушительной. Она не отвечала требованиям укоренившихся веками традиций, поведенческой культуре этноса. Свободолюбие, равенство прав, почтительное

¹ Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. М., 2002. С. 116.

² Мачавариани К.Д. Путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913. С. 95.

положение старших, четкое разграничение функциональных обязанностей, как между членами семьи, так и родами, общими, сословиями, не соотносились с пренебрежительно-назидательным отношением царской администрации ко всем слоям населения абхазского общества. И как следствие этих противоречий, замечает проф. Г.А. Дзидзария, «трансформация традиционной социально-политической системы стала важнейшим фактором, определившим ожесточенное сопротивление инкорпорационным процессам и последующее махаджирство»¹.

Необходимо выделить также и то обстоятельство, что естественная связь модернизационных явлений и массового махаджирства имела двойственный характер. Состоявшееся переселение значительной части абхазских горских сообществ способствовало дальнейшему развитию первичной модернизации, проявившейся в последовательном формировании новой модели региональной экономики и общественных отношений. Объективным результатом массового махаджирства стала «этническая революция», в ходе которой национальный облик местного населения претерпел существенные изменения. Целенаправленная переселенческая политика российской администрации привела к постепенному освоению пустующих территорий армянскими, греческими, немецкими и украинскими колонистами, большинство которых ориентировалось на последовательное развитие товарного сельского хозяйства, а также внутренней и внешней торговли².

Как справедливо замечает Н.А. Трапщ, «...изменившаяся национальная структура местного населения снижала реальное значение традиционных социальных институтов, которые продолжали функционировать только в среде автохтонного этноса». Более того, это давление способствовало качественному

¹ См. Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, 1982.

² См., Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX век). Сухум, 2018.

изменению содержания отношений внутри абхазских горских сообществ, которые были вынуждены адаптироваться к новым условиям действительности.

Целенаправленная деятельность российской гражданской администрации, стремившейся коренным образом преобразовать традиционный облик инкорпорированной территории, не ограничивалась созданием благоприятных условий для контролируемой миграции из других регионов. После подавления активного вооруженного сопротивления региональное хозяйство получило своеобразные государственные инвестиции, направленные на строительство современных дорог и портовых сооружений, а также развитие городской инфраструктуры. Российское правительство поощряло и самостоятельные проекты частных лиц, связанные с масштабными капиталовложениями в местную экономику¹.

На наш взгляд, проведенные меры экономического характера стали одним из важных факторов, положившие в исторической перспективе начало разрушению традиционных хозяйственных отношений и общественных институтов. Законодательное закрепление особых прав дворянского сословия в области землевладения ускорило наметившееся развитие социальной стратификации в абхазском обществе, а также способствовало постепенной трансформации натурально-потребительского характера местного сельскохозяйственного производства. Особенно это проявилось в местном табаководстве. Эта отрасль начала развиваться, и в нее стали вовлекаться крестьянские общины, видевшие в этом возможность улучшить свое материальное положение. Необходимо отметить, что колонизационное движение извне на большую часть опустевшей территории Абхазии

¹ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810-1917 гг.). //http://apsnyteka.org/file/trapsh_n_inkorporatsia_abhazii_v_sostav_rossiyskoi_imperii.pdf. С. 221.

дало толчок развитию сырьевых отраслей хозяйства, которыми была богата Абхазия (горнодобывающая, лесоперерабатывающая, табаководческая и пр.).

Таким образом, внешний облик традиционной общины действительно не претерпел значительных изменений, но в ее внутренней жизни началось непрерывное действие интеграционных процессов.

Примерно с начала XIX столетия под влиянием внешнего мира, прежде всего России, в абхазской культуре наметились структурные изменения, которые весьма существенно затрагивали основы социального устройства абхазского общества. Культура стала шифроваться не только в живой памяти, но и в специальных знаках, т.е. появляется письменность. В 1862 г. П.К. Услар¹ составил абхазский алфавит на основе русской графики и абхазскую грамматику. Это в последующем сыграло важную роль в подготовке абхазской национальной интелигенции. Вслед за этим началось распространение просвещения, что неизбежно вело к включению в абхазскую культуру нового содержательного пласта. Обучение грамоте (писать и читать), целенаправленное овладение накопленными человечеством знаниями о внешнем мире становятся важными факторами формирования новой прослойки в абхазском обществе.

Н.А. Трапш считает, что «модернизационные процессы в культурной сфере жизнедеятельности абхазского общества шли по двум направлениям. Первое. Царской администрации необходимо было создать прослойку чиновников по российским образовательным параметрам, чтобы ее члены стали опорой проведения целенаправленной политики «руссификации» местного населения, подведения его ментальных характеристик под общероссийские с элементами терпимости, покорности и подобостраст-

¹ Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкоzнание. Абхазский язык. Тифлис, 1887.

ности отношений. Для решения этой задачи внедрялась система начального образования, открывались «горские» школы, изолированные от внешних воздействий со стороны традиционных институтов общества. Второе. Это направление связано с задачей создания интеллектуальной пророссийской политической элиты в абхазской среде, то есть с формированием абхазской интеллигенции, объединявшей отдельных носителей культурных традиций предшествующей эпохи под непосредственным контролем царской администрации. Появление подобной социальной группы, включавшей и представителей традиционной культуры, свидетельствует о глубоких внутренних изменениях, непосредственно связанных с комплексным развитием инкорпорационных и модернизационных процессов¹. При этом следует заметить, что представители волны абхазской интеллигенции 80–90-х годов XIX в. не отходили от собственно-этнического самосознания и поведения. В конечном счете суть традиционной формы существования культуры сводилась к повторяемости исторически выработанной социальной практики. В общей массе носителей абхазская культура воспроизводила свои потребности и потенциал.

Оказавшись в культурном пространстве России, представителям абхазской культуры пришлось приспосабливаться к его постоянно менявшимся условиям и культурным стереотипам российской реальности, т. е. обновлять и развивать себя.

По существу, абхазский уклад жизни в корне не изменился. Традиционная культура вступила в трансформационный процесс. Это означало, что исторически сложившиеся и систематически повторявшиеся представления о себе и внешнем мире и нормы поведения абхазского общества оказались под давлением иной реальности.

¹ Трапш Н.А. Инкорпорация Абхазии в состав Российской империи в контексте формирования региональной модели модернизации (1810-1917 гг.). //http://apsnyteka.org/file/trapsh_n_inkorporatsia_abhazii_v_sostav_rossiyskoi_imperii.pdf. С. 223.

Второй этап – 1917–1921 гг.

После событий февраля и октября 1917 г., потрясших и разваливших Россию как единое государство, Абхазия вошла в Союз объединенных горцев Кавказа (СОГК), в правительстве которого ее интересы представлял С. Ашхацава. Она оказалась перед выбором исторического пути. Это был переломный и определяющий момент в жизни этноса. Представители абхазского общества, взращенные системой образования Российской государства, но сохранившие в себе этническое «Я», понимали, что они обязаны сконструировать и выработать механизм выживания для дальнейшего развития, то есть возродить абхазскую государственность. Ответ был однозначным: историко-культурный генотип и память веков, прошедшая через историческое время, определили нахождение народа в рамках союза горцев Кавказа.

На съезде Абхазского народа в Сухуме 8 ноября 1917 г. был избран Парламент (кстати, создан раньше грузинского) – Абхазский народный совет (АНС) и приняты важнейшие документы: «Декларация съезда Абхазского народа» и «Конституция Абхазского народного совета». Огромную роль в принятии этих документов о «самоопределении абхазского народа» сыграли председатель съезда и первый председатель АНС С. Басария, основной докладчик А. Шерипов, князья А. Шервашидзе и Т. Маршания, видные деятели абхазской интеллигенции М. Цагурия, Д. Алания, Мих. Тарнава и др. В «Декларации» съезда предусмотрительно отмечалось, что каждый народ должен четко следить за тем, чтобы его права и интересы не пострадали от покушений на его свободу, в связи с чем абхазский народ уверен в том, что его братья – горцы Северного Кавказа и Дагестана – поддержат его в тех случаях, когда он будет защищать свои права.

Представитель парламента Абхазии чеченец Асланбек Шерипов, выступая на открытии в Тифлисе 19 ноября 1917 года первого Грузинского парламента – Национального совета Грузии (НСГ), подчеркнул, что «...абхазцы, вошедшие в союз со своими северными братьями, уверены поэтому и в том, что в скором будущем они встретятся с благородным грузинским народом в общем союзе всех народов Кавказа. И в этом будущем союзе абхазский народ мыслит себя как равноправный член Союза Объединенных Горцев»¹.

В означенный временной отрезок события как вокруг Абхазии, так и внутри нее, настолько стремительно развивались, что ее руководителям приходилось учиться принимать оперативные решения, для того чтобы вывести свой народ из водоворота опасных событий.

Внешняя угроза в лице грузинских меньшевиков подстегивала представителей абхазской интеллигенции принимать самое деятельное участие в процессе просвещения пока еще малограмотных своих сородичей. В этом деле стала играть важную роль первая газета на абхазском языке «Апсны» под редакцией Д.И. Гулиа (1919). На ее страницах поднимались насущные вопросы внутриполитической и внешнеполитической жизни страны.

Параллельно этим событиям набирал обороты маховик трансформационных процессов социальной организации абхазского народа. В новых условиях абхазский крестьянин стал ощущать свою «неполноценность». Постепенно начинает меняться форма его бытия. Как образно выразился С.Чанба, жить жизнью старой старины уже было невозможно. Но абхазский крестьянин этого еще не осознавал. В его «архаическое мировоззрение» постепенно извне вносились корректизы, но пока на этом этапе он этого не ощущал.

¹ Лакоба С.З. Ответ историкам из Тбилиси (документы и факты). Сухум, 2001. С. 20–21.

Третий этап – 1921–1931 гг.

С 1921 по 1931 год трансформационные процессы в абхазском обществе ускорились и приобрели новые формы. После того, как Абхазия стала Советской Республикой в 1921 г., абхазы стали на путь социалистической модели развития. Но вопрос, насколько социализм по духу и содержанию был близок миро-порядку отдельно взятого абхазского крестьянина, оставался открытым.

Общеизвестно, что новая государственная система несет в себе новые символы, знаковую систему, мировоззрение и т.д. Происходят первые, пока еще незримые глазу изменения в жизни этноса. С одной стороны, получает качественный импульс духовная культура. В ее рамках развивается художественная литература, возникают наука, театральное и изобразительное искусство, архитектура, музыка, хореография и др. Они меняют саму структурную организацию существования народа. Из традиционной формы (живая память) культура стала переходить к нетрадиционной – знаковой системе с утверждением идеи возможности строительства светлого будущего – коммунизма. Новая эпоха открывала для абхаза новые, доселе ему неизвестные возможности, но при этом меняло веками сложившиеся традиционные устои и обрядность (религиозные обряды объявлялись вредными, пережитками прошлого, предавался забвению институт святыни и жречества и пр.).

Подводя итоги, следует заметить, что в результате этих качественных изменений традиций начался процесс формирования нового типа людей, которые должны были стать советскими, идеологически преданными политической эlite коммунистов, без какого-либо этнического лица.

Существенные изменения наметились в мировоззрении абхазского народа, в системе его ценностных ориентаций и ментальности. Эти изменения стали происходить, прежде всего, в

отношении материальных и духовных ценностей. То, что ранее считалось механизмом бытия этноса, даже запретом, на этом этапе нивелируется и становится нормой. Следует заметить, что ранее через определенные символы традиционной культуры – одежду, доспехи, украшения, коня и т.д. абхазы понимали друг друга и строили взаимоотношения между собой.

В изменившихся условиях содержание социальных стереотипов, столь ревностно соблюдавшихся в традиционном абхазском обществе, стало меняться. Носитель абхазской культуры стал все чаще выходить за пределы своего этнокультурного информационного пространства и строить свое будущее.

АБХАЗСКАЯ КУЛЬТУРА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД (конец XIX – первая четверть XX в.)

Жизнедеятельность общества многосферна (труд, политика, экономика, этика, эстетика, право, семья, религия и т.д.). Каждой из сфер жизни общества соответствует определенный достигнутый им уровень культуры как качественная характеристика его жизнедеятельности.

Культура играет важную роль в жизни человека и общества, которая состоит, прежде всего, в том, что выступает средством аккумуляции, хранения и передачи человеческого опыта. Именно культура делает человека личностью. Индивид становится членом общества, личностью по мере социализации, т.е. освоения знаний, языка, символов, ценностей, норм, обычаев, традиций своего народа, своей социальной группы и всего человечества. Уровень культуры личности определяется ее социализированностью – приобщением к культурному наследию, а также степенью развития индивидуальных способностей¹.

Культура, представляющая собой сложную знаковую систему, передает социальный опыт от поколения к поколению, от эпохи к эпохе. Кроме культуры, общество не располагает иными механизмами сосредоточения всего богатства опыта, который был накоплен людьми. Поэтому неслучайно культуру считают социальной памятью человечества².

¹ Рекунков И.Ю. Роль культуры в жизни человека и общества. [Электронный ресурс]. //https://scienceforum.ru/2012/article/2012001625. (дата обращения: 23.07.2019).

² Там же.

Важными вопросами, требующими своего разрешения являются, анализ развития абхазской культуры в конце XIX и начале XX в., а также изучение положения абхазского этноса в этот исторический период, его целей и задач.

Сложившаяся к этому времени абхазская элита начала вести просветительскую деятельность в народной среде, чтобы укрепить его веру в свои силы и способность творить свою историю и культуру.

В это судьбоносное время абхазы на подсознательном уровне стали ощущать опасность исторической ситуации касательно своего существования и пытались найти выход из нее. В условиях ликвидации государственности в форме владетельного княжения в 1864 г. абхазы фактически лишились механизма самозащиты и самосохранения. Поэтому не посредством политики или экономики, а именно через культуру народ должен был самосохраниться и поддерживать свое существование, и появление абхазской интеллигенции, осознававшей историческую миссию культуры, стало ответом на этот вызов.

Интеллигенция всегда занимала и занимает положение неформального лидера народа. Ее деятельность ощутимо сказывается во всех сферах жизни. Она с опережением выражает взгляды и настроения широких слоев населения, выводит сознание социальных групп из драматического состояния раздвоенности, смятения, неуверенности. Своей подвижнической работой интеллигенция формирует духовное, здоровое морально-нравственное общество.

Как правило, под интеллигенцией понимают общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом¹. Зачастую в качестве основного критерия для причисления какой-либо групп-

¹ Абрамовский А. П., Мамонов В. Ф. Революция и судьбы российской интеллигенции. [Электронный ресурс]. //https://cyberleninka.ru. (дата обращения: 17.09.2019).

пы к интеллигенции ученые используют образовательный критерий. Ввиду того, что среди принимавших активное участие в судьбе Абхазии в это сложное время были люди с разным уровнем образования, разных профессий и представители разных социальных слоев, считаем уместным не отходить от тенденций, заложенных абхазской наукой в определении критерия для определения интеллигенции¹. Первым специальным научным исследованием, посвященным абхазской интеллигенции, является труд проф. Г.А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции»², который принадлежность к интеллигенции определяет общественно-полезной деятельностью индивида³.

В пользу уместности использования этого термина для определения людей, занимавшихся активной общественно-политической деятельностью, говорит и тот факт, что они соответствовали критериям определения интеллигенции. Помимо активной работы в разных государственных структурах, они созывали собрания абхазской интеллигенции, на которых решали насущные проблемы Абхазии.⁴

Итак, в конце XIX и начале XX в. для возрождения своего народа историческая миссия была возложена на сформировавшуюся тогда абхазскую интеллигенцию. В тех условиях угасала жизнь и вера в будущее у абхазского народа. Его невозможность

¹ Агрба И.В. Абхазская интеллигенция и национальная идея в 1917–1921 гг. // Абхазия в 1917–1931 гг. Сухум, 2021. С. 4–5.

² Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми: Алашара, 1979.

³ Анчабадзе Ю.Д. Абхазская интеллигенция в исследованиях Г.А. Дзидзария и в судьбах XX столетия. // «Кавказ в исторических переломах XIX–XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории». Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.А. Дзидзария. АБИГИ. Сухум, 2016. С. 42.

⁴ Агрба И.В. Абхазская интеллигенция и национальная идея в 1917–1921 гг. // Абхазия в 1917–1931 гг. Сухум, 2021. С. 4–5.

предрекали многие очевидцы тех событий, в частности, представители грузинской интеллигенции. Они усердно убеждали общественность в том, что Абхазия навсегда рас прощалась с абхазами, и теперь абхазы никогда не смогут вернуться на свою историческую родину. Абхазия никогда не станет абхазской, и речь, по их мнению, может идти лишь о заселении страны новым населением. На наш взгляд, этот внешний фактор сыграл одну из ключевых ролей в деле сплочения абхазского народа. Свидетельством тому служит то, что в 1907 г. от имени абхазского народа была послана депутация в Тифлис к наместнику. В развернутом письме, которое состояло из 14 пунктов, были изложены все требования абхазского народа. На наш взгляд, самыми ключевыми в письме были пункты – 5, 6, 7 и 8. В этих пунктах говорилось: «...5. Испросить Высочайшее е.и.в. Государя Императора соизволения на разрешение возвратиться на родину из Турции желающим абхазцам, эмигрировавшим в 1877–1878 годах, с наделением их казенной земли.

6. Открыть народные училища с сельскохозяйственным и профессиональным отделениями.

7. Иметь учителей и священников из лиц коренного абхазского населения.

8. Приостановить колонизацию Сухумского округа новым элементом...»¹.

Как видно из пунктов, для абхазского народа это были самые важные вопросы на тот момент.

Одной из сложных проблем в жизни абхазского этноса того периода оставалась его необразованность. Единственный путь, который вел к решению этой задачи, была культура. Но абхазская культура сама продолжала находиться в состоянии острого кризиса, что не позволяло ей стать движущей силой этносоци-

¹ Авидзба В.Д. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Сухуми, 1985. С. 178.

ального возрождения. Чтобы она стала таковой, надо было изменить ее саму, освежить, обновить, вдохнуть в нее новую энергию. Именно в этом увидели смысл и назначение своей миссии представители абхазской интеллигенции.

Обновление абхазской культуры означало изменение образа жизни ее носителя (абхаза). Ничего не меняя в жизни, лишь повторяя старый, накопленный предками, социальный опыт, возродиться было невозможно. Ситуация менялась не только вокруг Абхазии, но и внутри нее. Интегрирование с российским культурно-цивилизационным пространством усиливалось. Следовательно, ускорялись трансформационные процессы в жизни абхазского народа. От абхаза требовалось учитывать происходящие изменения и действовать не по шаблону. К этому призывал и видный представитель абхазской интеллигенции Михаил Тарнава. В 1916 г. он опубликовал статью «Культурный перелом в абхазской жизни». В ней автор отмечал: «Надо заметить, что всепоглощающее военное время отразилось и на абхазской жизни. Оно разбудило сонных абхазцев и показало им, что необходимо им выйти из тяжелой конъюнктуры экономической жизни... Очнулся абхазец, протер глаза и увидел перед собой вместо прежней «тишины-спокойствия» жизни одно «движение да брожение»; увидел раньше им незамеченную борьбу за существование, почувствовал тяжесть наступившего времени»¹.

В этих условиях М. Тарнава уловил, что наступил момент истины, и что перед абхазским народом в очередной раз встал гамлетовский вопрос – «быть или не быть». И далее он подчеркивал, что «для внимательного наблюдателя нашей жизни ясно, что совершается постепенное выходжение абхазцев из состояния беспечности... и равнодушия к требованиям жизни, и вступления их в число трудящихся наций. Причиной такого возрождения

¹ Цит. по Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 60–61.

абхазцев является не одно лишь воздействие обстоятельств военного времени (имеется в виду Первая мировая война. – *Д. И.*), но и другие явления, наблюдавшиеся и до войны: 1) вторжение в пределы абхазской территории прошлого торгового элемента, 2) владычество его, 3) возбуждение им чувства соревнования в абхазцах, 4) сознание последними своей оторванности от культурного мира и 5) сознание ими своего бессилия в направлении своей общественно-культурно-правовой жизни»¹.

В том же году Самсон Чанба опубликовал статью под символичным названием «На пути к сознательности», в которой писал о том, что абхазцы начинают «понемногу сознавать, что жить жизнью «старой старины» теперь трудно, а необходимо начинать жизнь иною жизнью – культурной»².

Таким образом, в жизни абхазского народа наметились серьезные изменения, которые были вызваны во многом ходом исторического времени.

В деле возрождения абхазского народа огромную роль сыграл факт создания абхазской письменности. В 1862 г. П.К. Услар создал абхазский алфавит, а в 1892 г. Д. Гулиа и К. Мачавариани доработали его. Последний вариант алфавита более адекватно воспроизводил фонологические особенности абхазского языка. На языке этой письменности Дмитрий Гулиа создал и издал свои первые стихи и поэмы³. Абхазское слово стало не только слышимым, но и видимым. Теперь абхаз мог видеть в знаках образ родного слова, что явилось переворотом в его сознании, в традиционной системе получения, хранения и распространения информации. Благодаря письменности перед абхазским языком и сознанием открылись большие перспективы развития.

¹ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 61.

² Чанба С.Я. На пути к сознательности. (Статьи, заметки. 1911–1916 гг.). Сухуми, 1982. С. 21.

³ В 1912 г. в Тифлисе вышла книга Дмитрия Гулиа «Стихотворения и частушки».

Появление абхазской письменности и практика ее применения явились поворотным пунктом в новейшей истории абхазской культуры, началом ее возрождения. Письменность стала мощным средством не только хранения и трансляции культурного наследия, но и его развития. Именно благодаря письменности абхазская культура довольно быстро перешла из стадии умирания в новую стадию – стадию развития. На этой стадии наметились два основных направления культурного развития: приобщение народа к грамоте (просвещению) и формирование профессиональной культуры¹.

Преодоление народом своей безграмотности происходило быстрыми темпами: не приходилось убеждать его в преимуществах образования. Простые крестьяне, будучи сами безграмотными, готовы были тратить последнее, чтобы дать своим детям образование. Быстро вырос престиж школы и педагогической профессии. В народе началось формирование прослойки образованных людей. К ним стали относиться с большим уважением и почтением.

Наряду с мудростью в обществе стало высоко цениться и образование, которое несло людям не только традиционное, но и новое знание. С большим интересом и воодушевлением воспринимали люди доселе неизвестные им знания. Обновление жилища, быта, нравов, ценностей и других норм жизни становилось заметным явлением. Это было одним из ключевых проявлений формирования новой «формации» абхазов, т.е. трансформационные процессы все более набирали обороты. Да и сами люди менялись: общаясь с образованными людьми, необразованные крестьяне начинали иначе воспринимать себя и окружавший их внешний мир. Менялось их сознание, миропонимание. У них появились новая энергия, желание, стимул для формирования новой жизни, причем не по традиционным стандартам, а в соответствии с духом времени.

¹ Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков. Опыт понятийного анализа. СПб., 2011. С. 394.

В условиях начавшегося пробуждения жизни абхазской культуры Д. Гулиа приходилось быть не только поэтом. Важно было наладить работу на всех основных направлениях развития профессиональной культуры. В силу этого обстоятельства творческая и общественная деятельность поэта стала многогранной и охватывала почти все области культурной жизни эпохи. Благо, Д. Гулиа не был одиноким светочем разума среди серой и темной массы¹.

Вскоре вокруг него образовалась большая группа сподвижников, целая плеяда выдающихся деятелей, для которых миссия поэта стала их собственным призванием. У них не было иной цели, кроме возрождения абхазского народа. Возрождение народа мыслилось ими через возрождение абхазской культуры. В свою очередь достижение последнего предполагалось через развитие, главным образом, национального искусства, образования и науки. Поэтому вклад абхазской интеллигенции именно в этих областях культуры оказался наиболее значимым².

Иными словами, процесс реформирования (модернизации) традиционной абхазской культуры, у истоков которого стоял Д. Гулиа, уже шел. И он не мог не столкнуться с этим вопросом, поскольку процессы культурного преобразования могли происходить как раз через переосмысление абхазской идентичности. Но не всякая культура, а именно абхазская культура, могла сохранить этническую самобытность абхазов. Утрата ими своей самобытности, своей культурной идентичности означала прекращение существования абхазов как отдельного народа. И только через абхазскую культуру абхазы могли выбраться из той катастрофической ситуации, в которой они тогда находились, и обрести новые перспективы существования.

¹ Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков. Опыт понятийного анализа. СПб., 2011. С. 395.

² Там же.

Как замечает О.Н. Дамения, «в своей творческой деятельности Д. Гулиа и его сподвижники исходили из этого императива. Чтобы сохранить абхазскую культуру, они не звали лишь в прошлое. Для них прошлое – не только предмет благоговейного отношения. Без прошлого им было трудно думать о будущем Абхазии. Но времена, когда прошлое рассматривалось как образец будущего, уже ушли. При изменившихся условиях бытия к прошлому уже нельзя было относиться как к некому предельно совершенному и готовому к употреблению. Чтобы продолжить жизнь прошлого, надо было его обновить с учетом изменившихся условий жизни»¹.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что именно осознание опасности полного исчезновения, а не только жесткие меры со стороны царской власти привели абхазский народ к смиреннию со своей судьбой и заставили принять факт ликвидации их государственности. Не последнюю, если не главную, роль в этом процессе сыграла и колонизация Абхазии пришлым элементом. Поэтому после смены репрессивной политики русского царизма в Абхазии на более умеренную абхазы стали получать образование как в самой Абхазии, так и в российских учебных заведениях².

Несмотря на то, что абхазы позже остальных кавказских народов были вовлечены в процесс профессионального просвещения, за двадцать с небольшим лет им удалось вырастить интеллигенцию, которая создала первый абхазский парламент – Абхазский Народный Совет и возглавила борьбу за создание государства³.

¹ Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков. Опыт понятийного анализа. СПб., 2011. С. 398.

² Агрба И.В. Абхазская интеллигенция и национальная идея в 1917–1921 гг. // Абхазия в 1917–1931 гг. Сухум: АГУ, 2021. С. 3–4.

³ Там же. С. 5.

ОСОБЕННОСТИ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В СССР И АБХАЗЫ

Оказавшись в системе государственного образования СССР, Абхазия и абхазы столкнулись с новыми проблемами, одним из которых являлся национальный вопрос.

Значение, сложность и острота национального вопроса в Российской империи обусловливались тем, что нерусские национальности составляли большинство населения (57 %), необычайно пестрой была этническая структура населения (свыше 200 наций, народностей, этнических групп), весьма сложными и запутанными были исторически сложившиеся взаимоотношения между народами во многих регионах: национальные окраины нередко находились на докапиталистическом уровне развития и отличались крайней отсталостью; межнациональные противоречия и конфликты часто переплетались с религиозными. Официальная политика самодержавия в национальном вопросе с известным креном в великорусскую державность и официальной идеологией «самодержавие, православие, народность» стимулировала, особенно с конца XIX в., недовольство среди народов местных этнических групп (поляков, финнов, евреев и др.)¹.

Сразу после Октябрьской революции первым законодательным актом Советского правительства по национальному вопросу была «Декларация прав народов России». Документ был принят Советом народных комиссаров РСФСР 2 (15) ноября 1917 года и был подписан председателем СНК Лениным и народным

¹ Решение национального вопроса в СССР. [Электронный ресурс]. // <https://arheologija.ru/reshenie-natsionalnogo-voprosa-v-sssr/>(дата обращения: 06.09.2021).

комиссаром по делам национальностей Сталиным. В Декларации были провозглашены четыре основных принципа национальной политики: 1. Равенство и суверенность народов России; 2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России¹.

Одним из значительных шагов в решении национального вопроса после победы Октябрьской революции было создание многими народами своей национальной государственности². Этот период совпадает и с началом процесса восстановления абхазской государственности. Как известно, в 1917 году был создан Абхазский Народный Совет (АНС) – первый Парламент Абхазии во главе с Симоном Басария. Главной задачей АНС было претворение в жизнь права абхазского народа на самоопределение.

После Октябрьской революции в России в процессе самоопределения складывались различные формы национальной государственности: союзная республика, автономная республика, автономная область, национальный округ. Имели место и разные формы административно-территориального устройства для компактно проживающих этнических меньшинств (сельские, районные, волостные национальные Советы). Органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычай соответствующих народов. Были изданы специальные

¹ Декларация прав народов России. [Электронный ресурс]. // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/people.htm>. (дата обращения: 06.09.2021).

² Решение национального вопроса в СССР. [Электронный ресурс]. // <https://arheologija.ru/reshenie-natsionalnogo-voprosa-v-sssr/>. (дата обращения: 06.09.2021).

законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства¹.

По вопросу национальной политики в Абхазии интересны соображения Симона Басария, высказанные им в книге «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении». В ней отмечалось: «Абхазия веками, а при русской власти особенно заметно, прошла через периоды и эпохи, когда насилие, гнет и произвол считались вполне допустимыми и даже единственно верными средствами воздействия власти на жизнь народа, и с честью пронесла через эти жестокие периоды идею права нации на национальную жизнь в возвышенном смысле этого слова, донесла эту идею до Великой Русской Революции, когда решение этого вопроса зависело уже не только от «огня и меча», но поставлено было под гарантию права. Говоря о национальном вопросе, об этой наизледней форме человеческих антагонизмов, надо подчеркнуть, что абхазы, быть может, единственная нация на Кавказе, которая проявляет полное равнодушие к национализму. Вся эпоха царской власти для них была периодом анационализма – национального равнодушия; правда, они неоднократно восставали, требовали восстановления попранных прав, но они защищали в этих выступлениях свои заветные культурные идеалы, общечеловеческие права. К сожалению, эта характерная черта, черта интернациональности абхазов для националистов соседних с Абхазией стран представляла большие выгоды для ассимиляции, что мы воочию видели в Самурзаканской части Абхазии...»².

¹ Решение национального вопроса в СССР. [Электронный ресурс]. // <https://arheologija.ru/reshenie-natsionalnogo-voprosa-v-sssr/>. (дата обращения: 06.09.2021).

² Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003. С. 94–95.

Здесь речь идет как о деятельности царской России, так и о грузинских меньшевиках в Абхазии. Как отмечалось выше, начало XX в. характеризуется повышенным интересом меньшевистских идеологов к Абхазии. С момента распада Российской империи и ослабления центральной власти началась перестройка, реорганизация государственных структур, что неизбежно вело и к переделу территорий. Вопрос о границах Абхазии стал яблоком раздора сначала между Закавказским комитетом и Черноморской губернией, а потом уже и Закавказским меньшевистским правительством и Абхазией¹. По этому поводу Симон Басария писал: «Абхазский народ, в силу исторических и географических условий, как отмечено всеми бытописателями, весьма даровит и разбирается в сложных социальных и политических вопросах. Вот почему этот народ сразу понял смысл русской революции в разрешении национального вопроса, понял так, как его разрешали настоящие социалисты, давая возвышенное облагороженное разрешение, а именно: все нации должны быть равноправны, все нации имеют полное право на самоопределение, вплоть до отделения. Узкие же националисты, шовинисты имели другую идеологию – вульгарную. Элементарное разрешение этого «наизледшего вопроса» у них сводилось к следующему – «покорить под ноги врага и супостата и заставить все подвластные нации подчиниться господствующей национальности». Такую политику агрессивного национализма абхазский народ сейчас же стал ощущать со стороны руководителей Грузии. Вот почему абхазы, испытавшие на себе немало ужасов чужеземного гнета, стали искать родственные себе народы, родственные по пониманию священных интересов каждой нации, по пониманию иуважению стремления нации к свободе и т.д. Такими, безусловно,

¹ Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. Абхазия. Правовые основы государственности. М., 2004. С. 85.

были родственные по духу и крови абхазам – горские народы Кавказа, «организовавшиеся после революции» в «Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана»¹.

Далее Басария продолжал: «Советская правда о правах национальных меньшинств победила неправду грузинских меньшевиков, имевших иную идеологию в разрешении этого вопроса. Вот почему со дня установления Советской власти в Абхазии, со дня объявления Абхазии самостоятельной республикой здесь сразу наступает время анационализма, – национального индифферентизма, так свойственного природе абхаза. Это потому, еще раз повторяем, что национальный вопрос получил справедливое разрешение»². Однако после создания ССР Абхазии ситуация вокруг национального вопроса не улучшилась. Наоборот, она стала носить гипертрофированную форму. На наш взгляд, на то существовали объективные причины.

Деление единой многонациональной России на национально-территориальные образования изначально было не-продуктивным, противоречивым шагом. Раздел территории был осуществлен произвольно, в нем с самого начала были заложены противоречия, которые дали о себе знать спустя десятилетия. Республики-государства, получившие свои названия по названиям коренных наций, реально по фактическому составу населения представляли собой полигэтнические образования. Кроме того, разные этносоциальные общности получили разную степень суверенизации: одни – статус союзных республик, другие – автономных. Многие народы оказались в многоступенчатом подчинении – автономные республики входили в состав союзных республик, автономные области

¹ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003. С. 95.

² Там же. С. 109.

– в состав краев, национальные округа были в составе края или области¹.

Считается, что образование СССР в декабре 1922 г. было торжеством ленинской национальной политики, и дальнейшее развитие многонационального государства шло по пути совершенствования национально-государственной структуры и национально-государственных взаимоотношений. Однако ясно одно: в СССР проводилась унитаристская национальная политика, исходящая из парадигмы непременного и полного слияния наций и народностей в ходе строительства коммунизма. По существу, политика большевиков в национальном вопросе отличалась подчиненностью главной идеологической доктрине – созданию однородных по своей социальной природе «социалистических» наций трудящихся, между которыми не должно быть никаких противоречий, а, наоборот, должны начаться процессы их сближения. Сформировалась концепция, согласно которой национальный вопрос будет решен чуть ли не автоматически с решением вопросов социально-экономических. Уже в 20-х гг. стал преобладать социально-классовый детерминизм. Жизнь оказалась сложнее, чем исповедуемая схема: она показала, что в определенных социально-экономических условиях национальный фактор способен оказывать значительное воздействие на остальные сферы общества². Унитаризм игнорирует национальные различия и решение национальных проблем видит во всеобщей взаимной ассимиляции – стирании культурных, психологических, бытовых, государственно-организационных, языковых и всяких других различий между

¹ Решение национального вопроса в СССР. [Электронный ресурс]. // <https://arheologija.ru/reshenie-natsionalnogo-voprosa-v-sssr/>. (дата обращения: 06.09.2021).

² Кульшанова А.А. К проблеме теории и практики национального вопроса в СССР. // [Электронный ресурс]. // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-i-praktiki-natsionalnogo-voprosa-v-sssr/viewer>. (дата обращения: 05.09.2021).

народами. Данное положение как нельзя лучше соответствовало тоталитарному характеру власти с ее беспрекословной верой в достижение общественного единства в его абсолютном выражении, т.е. не на основе сохранения и развития различных форм общественной и национальной жизни (единства в многообразии), а на основе категорического утверждения, как политического, так и национально-этнического, духовно-культурного единства (единства в единстве) ¹.

Это обстоятельство усиливало процесс стирания граней уникальной культуры абхазского народа. Это был один из основных факторов, изменивших самобытный и «архаичный» облик абхаза. Ущемлялось его естественное право – быть самим собой. Теперь абхаза силой всеобщего закона вынуждали безусловно следовать генеральной линии ЦК КПСС.

В работах западных аналитиков У. Ростоу, Э. Карра, А. Мейера обосновывается, что социалистическая система не соответствует потребностям народов и может существовать, лишь опираясь на насилиственное подавление прав наций².

В условиях советской унитаристской национальной политики равенство и братство всех народов привело к денационализации и ущемлению прав малых народов. Независимость и суверенность народов не соответствовала сути тоталитаризма. Именно поэтому власть стала использовать командно-репрессивные меры для последовательного разрушения самобытности культуры каждого народа, его языка, традиций, а также лишала хозяйственной самостоятельности, экономической и главное – территориальной целостности. Национальное подменялось

¹ Кульшанова А.А. К проблеме теории и практики национального вопроса в СССР. // [Электронный ресурс]. // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-problema-teorii-i-praktiki-natsionalnogo-voprosa-v-sssr/viewer>. (дата обращения: 05.09.2021).

² Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., 1987. 207 с.

классовым, что вело к ликвидации этнических корней народов. Определенное развитие национальных культур допускалось лишь в той степени, в которой это не могло оказать существенного влияния на изменение характера установившейся власти¹. Классовый подход к культуре и истории народов, входивших в СССР, разрушал их специфичность и этническое «Я», а для малых народов вовсе уводило в небытие. Наглядным примером могут служить характер и содержание взаимоотношений Абхазии и Грузии в первой половине XX в. и их последствия для абхазского народа.

В теории национальных отношений основное внимание уделялось общегосударственным, политическим и экономическим факторам, мотивируя это интересами укрепления единого советского общества. Осуществлялась практика национально-государственного строительства, противоречащая конституционно-правовым нормам в данной области.

Главным произведением И.В. Сталина, в котором он изложил собственную систему взглядов по национальному вопросу, является статья «Марксизм и национальный вопрос», написанная в Вене в конце 1912 – начале 1913 г. По его мнению, нация – это «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»². Отличительной особенностью взглядов Сталина по национальному вопросу является его крайне критичное отношение к идее культурно-национальной автономии. Stalin не устает повторять, что отделение не гарантирует нации независимость. А наоборот – возникает без-

¹ Малинин Г.В., Дунаев В.Ю., Курганская В.Д., Нысанбаев А.Н. Теория и практика межэтнического и межкультурного взаимодействия в современном Казахстане. Астана, 2002. 305 с.

² Stalin И.В. Марксизм и национальный вопрос // Stalin И.В. Соч. Т. 2. С. 296.

условная зависимость от других, более развитых и мощных держав¹.

На наш взгляд, здесь следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство: с конца XIX – начала XX в. абхазы из категории этноса стали переходить в политическую категорию – нацию. Существует множество определений понятия «нация». Одно из них звучит так: нация – исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры². Отсюда следует, что в «размытии» абхазов как этноса и превращении их в нацию сыграло два фактора: 1. Внешний фактор – новая модель государства СССР и создание ею «супернации». 2. Внутренний фактор – миграционные процессы в Абхазии (ее колонизация иноэтническим элементом). Оба фактора способствовали началу изменения самобытной культуры абхазов, процессу перехода традиционной абхазской культуры в мультикультуру. Это стало трансформировать самобытность абхазов. Усилил этот процесс и тоталитарный режим, созданный в СССР. Не сила традиции и обычая отдельно взятого народа, а всеобщий закон и один стандарт стали главными для всех народов СССР.

Мы должны учитывать сталинскую модификацию осуществления национального вопроса, когда говорим о том, что так и не были претворены в жизнь народов бывшего СССР марксистско-ленинские обоснования из Программы КПСС: при практическом осуществлении социалистического строительства «не может быть свободным народ, угнетающий другие народы»; только «победа социалистической революции создает все воз-

¹ См.: Сталин И.В. Политика Советской власти по национальному вопросу в России // Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 352–353.

² Крысин Л.П. Иллюстративный толковый словарь иностранных слов. М., 2011. С. 472.

можности и условия для уничтожения всякого национального гнета, для добровольного объединения свободных и равноправных наций и народностей в едином государстве»¹.

Сталин считал, что «национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Только такое может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии»². Он спрашивал: «Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их «организовать» в национальные союзы? Вокруг каких «культурных дел» их «организовать»? Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко еще не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их «организовать» в единый национальный союз?

К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не «организовать» ли их отдельно от грузин на почве религиозных дел и вместе с грузинами на почве прочих культурных дел? А кобулетцы? А ингуши? А ингилойцы?...»³

По Сталину, «народы с примитивной культурой» предполагалось объединить вокруг феноменов «высшей культуры», но поскольку эта «высшая культура» не могла существовать в природе вне национальных рамок и к тому же она у Сталина вполне ясно идентифицировалась с письменной традицией и литературой, то в данном конкретном случае абхазов («народ с прими-

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976. С. 18.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 351.

³ Там же.

тивной культурой») необходимо было «организовать» вокруг грузин («народ с высшей культурой»).

Согласно Сталину, такие народы, как абхазы, не могли расчитывать даже на «блага» культурно-национальной автономии, поскольку они не обладали «развитой культурой» и литературой, т.е. они не могли рассчитывать вообще на национальное самоопределение и, в лучшем случае, должны были быть интегрированы в более культурную нацию, например, грузинскую... За рассуждениями Сталина о соотношении «примитивной» и «высшей» культур, по существу, просматривалась плохо завуалированная иерархия культур, а следовательно, и иерархия наций, что в дальнейшем было взято на вооружение шовинистическими кругами Грузии для оправдания своих притязаний на Абхазию¹.

Здесь следует заметить, что с 1918 г., с периода вооруженной оккупации Абхазии Грузией, geopolитические притязания грузинских меньшевиков на Абхазию основывались на «исследованиях» прежде всего Сталина по национальной теории 1913 года. Это подтверждает и докладная Ноя Жордания 1922 года в ЦК Соцдемократии Грузии «О необходимости сотрудничества на Кавказе Грузии с Англией и заключении между нею и Кавказской федерацией союза»².

Не включая абхазов и другие кавказские народы в понятие «самостоятельный народ», «нация», рассуждая о праве нации на самоопределение, Stalin писал, что нации имеют право отменить у себя конституцию, заменить ее системой произво-

¹ Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов. Т. 1. / Сост. И. Марыхуба). Сухум, 1994. С. 55–56.

² См.: Николай Джавахишвили. Из истории сотрудничества кавказских политических мигрантов (с периода 1921-го до начала 1940-х гг.). // [Электронный ресурс]. //https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-sotrudnichestva-kavkazskih-politicheskikh-emigrantov-v-period-s-1921-go-do-nachala-1940-h-gg/viewer. (дата обращения: 07.09.2021).

ла, вернуться к старым порядкам, ибо нации, и только нации, имеют право определять свою собственную судьбу... и никто не может им насильственно навязать другую форму политической жизни. То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию. Они имеют право сохранить любое свое национальное учреждение – и вредное, и полезное, никто не может (не имеет права!) насильственно вмешиваться в жизнь нации».¹ Но на деле оказалось, что Сталин лукавил. Это видно по проводимой им политике на Кавказе в целом и в Абхазии, в частности.

Нельзя предполагать, что разработка программы, имевшей своей целью растворение абхазского народа в этнокультурной грузинской среде, является исключительной заслугой Сталина, Берия и их приспешников. Отдельные ее положения были выдвинуты еще во второй половине XIX – начале XX века. Однако в годы культа личности Сталина и господства бериевщины она была доведена до гипертрофированного состояния и в таком виде в течение 20 лет применялась на практике².

¹ Абхазские письма (1947-1989). Сборник документов. Т. 1 / Сост. И. Марыхуба). Сухум, 1994. С. 56.

² Там же.

СТАНОВЛЕНИЕ АБХАЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В 1920-е ГОДЫ

Народ, нация, народность без исторической памяти обречены на деградацию. Они не могут и не должны отказываться от своего прошлого, потому что тогда не будут иметь будущего. Каждое государство, каждая страна имеют свою историю, которая является составной частью истории человечества.

Развитие исторической науки стало одной из неотложных задач Советской власти в Абхазии. До революции 1917 года в стране не было ни одного научного учреждения, соответственно и научного работника коренной национальности со специальной теоретической подготовкой. Летом 1922 года на базе существовавшего до революции Сухумского общества сельского хозяйства было создано Абхазское научное общество (АБНО). Первым председателем Общества стал видный общественный деятель, российский педагог и публицист Г.А. Фальборк, а с января 1923 г. бессменным председателем АБНО (до 1931 года) был Герман Барач. В состав президиума Общества входили: глава правительства ССР Абхазии Нестор Лакоба, Самсон Чанба, Андрей Чочуа, Дмитрий Гулиа, Николай Акиртава, Дмитрий Алания и другие. Факт вхождения в состав президиума и совета наряду с учеными и руководителями республики говорит о большом значении, которое придавалось работе Общества. Учреждение издавало свои «Труды», «Известия» и «Бюллетень», где выступали видные исследователи и краеведы – В. Стражев, М. Иващенко, С. Басария, Г. Барач, А. Башкиров, В. Малеев, С. Ашхацава и другие. Общество занималось изучением социаль-

ной структуры абхазского общества, флоры и фауны Абхазии, исследованиями в области истории, археологии и этнографии коренного народа. По инициативе АбНО проводились важные научные мероприятия регионального уровня, среди которых особо следует выделить созданный в 1924 году в Сухуме весьма представительный I съезд краеведов Черноморского побережья и Западного Кавказа. В 1925 г. по инициативе выдающегося кавказоведа, академика Н.Я. Марра при АбНО была организована секция абхазоведения, руководство которой было возложено на Симона Басария. В октябре того же 1925 года было создано отдельное научное учреждение – Академия абхазского языка и литературы. Почетным председателем Академии был избран академик Нико Марр, председателем вначале был нарком пропаганды Абхазии А. Чочуа, а затем – Д. Гулиа¹.

Абхазское научное общество и Академия абхазского языка и литературы для своего времени были авторитетными краеведческими учреждениями, поддерживающими контакты со многими научными организациями и отдельными учёными как в СССР, так и за рубежом, и всё же, несмотря на это, они не в состоянии были полностью удовлетворить возрастающие потребности культурного строительства в республике. Оба эти учреждения не имели твёрдого государственного бюджета и самое главное – не были обеспечены подготовленными штатными научными кадрами. Правительство Абхазии приняло меры по подготовке научных кадров для молодой республики.

Историческая наука Абхазии, как и вся абхазская наука, довольно молода. Она изначально складывалась и получила развитие лишь в XX веке. Полное отсутствие профессионально подготовленных историков привело к тому, что изучением истории Абхазии занимались энтузиасты-любители. Это касалось всех периодов

¹ АбНО и его разгром (1922–1931). / Сост. Лакоба С.З., Дбар А.Я.). Сухум, 2021. С. 3–4.

истории Абхазии, в том числе XIX – начала XX века. Бурные и яркие события XIX века (несколько русско-турецких войн, Кавказская война, многочисленные восстания и т.д.) обращали на себя внимание исследователей со стороны. В первую очередь, это были российские историки, в основном военные, а также исследователи из Турции и Западной Европы. Следует заметить, что события в Абхазии их интересовали лишь в контексте международных отношений – русско-турецких и русско-западноевропейских.

После присоединения Кавказских областей к России об Абхазии начали писать многие политические и дипломатические деятели, военные и гражданские чиновники, учёные и духовные лица, литераторы и просто путешественники. Некоторые русские учёные, литераторы, деятели искусства серьёзно изучали, особенно с 60-х годов XIX века, историю, археологию, этнографию, природные богатства, хозяйственный и социальный строй, культуру края¹. Наиболее подробные сведения об Абхазии даны в работах военных историков России². Однако подавляющее большинство из них отличается крайней тенденциозностью и одиозностью, в них выпячиваются цивилизаторские, культуртрегерские черты царской России, подчеркивается дикость и отсталость народов Кавказа, предвзятость мнений о миссии России в их жизни.

По этому поводу Семен Ашхацева с возмущением писал: «...Разрозненность буржуазного мира с национально-шови-

¹ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 19.

² Дубровин Н.Ф. История войны и владычество русских на Кавказе. Т. 1.5. СПб. 1871–1887. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войне. Тифлис. 1860. Потто В. А. Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис. 1904. Т. 4. [Н. Башенов] Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис. 1914. С. 4, 5: Эсадзе С. С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис. 1914: Зайончковский А. Н. Восточная война 1853–1956 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1–3. С-Пб, 1908–1909 и др.

нистическими стремлениями ярко отражалась на работе историков всех наций. В конце концов, история являлась прислужницей этих течений. В частности, если мы проследим работы грузинских и армянских историков, имевших тесное соприкосновение с Абхазией, увидим, что все эти работы пропитаны буржуазно-шовинистическим духом, абсолютно исключающим объективность, столь необходимую для историка... Что касается «исследований» чиновников и генералов царской России, то их сведения об Абхазии не выдерживают никакой критики: не только все свои сведения они брали из непроверенных источников, уже упомянутых выше, но и сами не потрудились серьезно отнести к изучаемому предмету, изучить дух и нравы исследуемого народа, к которому они по своему невежеству относились с пренебрежением и свысока, вследствие чего вся их рабочая представляет собой «ученую» макулатуру...»¹.

Следует заметить, что лишь после установления Советской власти наблюдается возрастание интереса к истории Абхазии. Началось более или менее систематическое планомерное ее изучение. Уже в 1920-е годы появляются первые работы по истории Абхазии. Ценность их заключается еще и в том, что они были написаны абхазами, которые знали хорошо свой край. Подчеркивая это немаловажное обстоятельство, Симон Басария отмечал, что «все, что до сей поры писалось разными авторами об Абхазии, является неточным, сбивчивым материалом. Как можно было описывать и выводить суждения о стране, которую едва рисуешь себе, по которой идешь ощупью? Остро чувствовалось отсутствие литературы, написанной сынами Абхазии, которые могли бы дать точные сведения о своей родине и народе»².

Руководство молодой республики призвало научную общественность к изучению и написанию научных работ и учебни-

¹ Ашхацава С.М. Избранные труды. Сухум, 2019. С. 13.

² Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003. С. 11.

ков по истории Абхазии. Однако выполнение этих задач наталкивалось на серьёзные трудности, поскольку в Абхазии не было профессиональных кадров. Первые работы по истории Абхазии в советское время были написаны не профессиональными историками, а видными общественными деятелями и публицистами¹. Среди них мы остановимся на работах Д.И. Гулиа², С.М. Ашхацава³, С.П. Басария⁴.

Выдающийся абхазский общественный деятель, первый председатель Абхазского Народного Совета Симон Петрович Басария получил задание от Народного комисариата просвещения Республики Абхазия написать географию Абхазии. По этому поводу сам Басария отмечал: «Получив от Народного комисариата просвещения Республики Абхазия академическое задание – составить географию Абхазии, автор выполнил его в настоящем виде, не предназначая своего труда в качестве учебника для школы того или иного типа по той простой причине, что цель книги видел в передаче общих основ географии Абхазии... Свой труд автор рассматривает как опыт географии Абхазии и вовсе не претендует на законченность и совершенство его...»⁵. Несмотря на скромную оценку своего труда, Симон Басария творчески подошёл к нему, в результате чего в 1923 году вышло очень интересное сочинение «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении».

В начале книги Симон Басария отмечает, что еще с эпохи ранней античности об Абхазии и абхазах писали многие авто-

¹ Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии (XIX – начала XX века) в абхазской советской историографии. Сухум, 2009. С. 10.

² Гулиа Д.И. История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925.

³ Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1925.

⁴ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.

⁵ Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003. С. 11.

ры: такие как Страбон, Арриан, Прокопий и другие. Этим экскурсом в древность автор подчеркивает, что Абхазия не Грузия, и абхазы – не грузинское племя, что они испокон веков имеют свою историю и родину – Апсны. С. Басария пишет о том, что некоторые грузинские ученые ведут оголтелую риторику вокруг истории Абхазии и абхазов, умышленно ее искажают. Ученый отмечает: «К.Д. Мачавариани – уроженец Абхазии, педагог по профессии, в свое время был смотрителем абхазской горской школы, а позднее инспектором училищ в Грузии. Он, не в пример другим, прекрасно изучил Абхазию и абхазов. Народ абхазский он понял вполне, изучил все изгибы, тайники души его, так не доступной не абхазу; он, грузин по национальности, как честный человек, был лишен каких-либо тенденциозностей, какими, к сожалению, страдают многие его сородичи шовинисты, когда говорят об Абхазии и абхазах¹. Это не безосновательное замечание Симона Басария. Здесь, очевидно, речь идет о статьях Церетели, Гогебашвили, Бакрадзе и других, которые умышленно искажали историю Абхазии и призывали своих соотечественников осваивать опустевшие земли абхазов.

Для любого государства важны строго очерченные политические границы. То же самое можно сказать и о молодой Советской Абхазии. По этому поводу Симон Басария в своей книге писал: «Республика Абхазия по размерам территории невелика. Площадь всей республики равняется 7 253,27 кв. верстам. Из маленьких самостоятельных государств по территории она почти равна Черногории. Страна лежит на восточном берегу Черного моря, которое омывает Абхазию на всем протяжении, начиная с западной границы, кончая восточной, протяжением на 190 верст.

Границы Абхазии следующие: с запада – Черноморская губ. (по течению р. Мзымта), с Ю-В и Восточной стороны – Мин-

¹ Там же. С. 16.

грелия (по течению р. Ингурा), с С-В – Сванетия, причем с этой стороны граница Абхазии временами далеко отодвигалась в глубь Грузии, как, напр.: при Абхазских царях Леоне I (756) и Феодосии I, построивших Кутаис и Хони; с Юга и Ю-З – Черное море, с Севера и С-З проходит главный хребет Кавказских гор, отделяющий Абхазию от Балкарии, Карачая, Малой Кабарды, черкесских и абазинских аулов»¹. Следует обратить внимание на ключевые моменты, на которые указывает С. Басария. Первое: автор пишет, что «из маленьких самостоятельных государств по территории она (Абхазия. – Д. И.) почти равна Черногории». Здесь автор пишет, что Абхазия – самостоятельная страна. Автор недвусмысленно подчеркивает, что речь идет о Союзном договоре между ССР Абхазией с Грузинской ССР от 16 декабря 1921 г., по которому Абхазия и Грузия вступали в военный, политический и финансово-экономический союз. С. Басария, указывает на то, что договор не умаляет статус Абхазии. Второе – очерчивая границы Абхазии, он дает понять, что в былые времена границы ее простирались гораздо шире на восток, в сторону Грузии. Третье – именно абхазские цари возглавляли Абхазское царство, а не грузинские. Уже эти три основополагающие положения в книге С. Басария для того времени были весьма весомыми для защиты абхазской государственности и на научном «фронтке».

Книга Симона Басария «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» состоит из 5 глав и 8 параграфов. Более половины ее содержания составляет этногеографический обзор, включающий множество ценной, уникальной информации. Уже в начале этого раздела даются статистические сведения о народонаселении Абхазии и его национальном составе. С.П. Басария сразу же указывает, что

¹ Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003. С. 17.

он приводит данные переписи населения до 1914 года, так как впоследствии они страдали неточностью, а при грузинской власти (имеются в виду годы меньшевистской Абхазии. – Д. И.) составлялисьтенденциозно. По приводимым им данным, численность абхазов на 1914 год составляла 91 450 человек из 132 538, в то время как число грузин, мегрельцев и других составляла 14 731 человек, в перепись не включалось городское население, составлявшее в то время около 30 тыс. человек. Этнографический раздел включал в себя раздел «численность населения», а также специальные параграфы: абхазский народ, абхазский язык, религия, культура абхазов, характеристика абхаза, земельная политика, национальный вопрос, самурзаканцы или мурзаканцы, эмиграция, а также народное образование.

Самое большое место в этнографическом разделе занимает описание ситуации, сложившейся в Абхазии после установления российского господства. Ярко раскрыта политика царских властей, приведшая к почти поголовному исчезновению многих кавказских народов, в том числе и большинства абхазов. С. Басария придерживался мнения, что в течение всего периода махаджирства из Абхазии было выселено до 400 тыс. человек, а черкесов (имеются в виду все адыгские племена) – до 2 млн человек.

Автор специально останавливается на описании истории Самурзакана (современные Галский и отчасти Ткуарчалский и Очамчырский районы), опровергая все притязания Мегрелии и Грузии на данный регион Абхазии. Он указывал, что исторический Самурзакан всегда был частью Абхазии, а подавляющее большинство его населения – абхазы. С. Басария пишет и о том, что фамилии самурзаканских абхазов умышленно искажались и переводились на грузинский лад. Далее он отмечает, что со второй половины XIX в. начинается усиленный приток мегрельского населения и национально-культурное давление на

Самурзакан. В результате этих процессов всё большее число самурзаканцев начинает забывать о своём абхазском происхождении и поддаётся усиливающейся мегрелизации. Ускорился этот процесс в начале XX века и особенно после оккупации Абхазии меньшевистской Грузией. Ценные сведения даются автором по истории Абхазии 1917–1921 гг., в частности, о деятельности Абхазского народного совета, в котором он сам принимал активное участие. Осуждая грузинскую политику в Абхазии в целом, С. Басария заключает: «Обидно делается, что люди науки, как и руководители государственной судьбой, в области национальных стремлений зашли так далеко, что оказались в полном противоречии со всеми остальными культурными и научными идеалами. Ведь, в конце концов, национальное чувство подходит к категории инстинктов, так свойственных животному миру, а потому, если разум над ним не властен, то он переходит в «зоологический национализм»¹.

Другим ярким борцом за справедливость и выразителем духа народа был Семен Михайлович Ашхацава, абхазский государственный деятель, писатель, историк, публицист. Будучи членом АНС, он подвергался репрессиям со стороны грузинских властей. В советское время С.М. Ашхацава занимал ряд ответственных государственных и хозяйственных постов: председатель ВСИХ, директор Гагринского курортного управления, начальник строительства СухумГЭС, заместитель председателя Сухумского городского совета. Работая научным сотрудником Абхазского НИИ, занимался изысканиями по древней и средневековой истории Абхазии. В творческом наследии С.М. Ашхацава имеются публицистические статьи, драматургические произведения. В 1912 г. у С.М. Ашхацава выходят статьи: «Схема абхазской истории», «Несколько слов об абхазской письмен-

¹ Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 2003. С. 113.

ности», «Краткий очерк абхазской церкви», где автор впервые из абхазоведов в XX в. закладывает направление и приоритет в деле изучения абхазской истории, подготовке к изданию книги «История Абхазии», чему он посвятил всю свою трагическую жизнь. Из этих статей видно, что С.М. Ашхацава уже тогда отдавал всю свою энергию собиранию материалов по истории Абхазии, Кавказа и Грузии, готовил фундаментальный труд по истории Абхазии¹.

25 августа 1913 г. в с. Лыхны, как сообщает священник П. Образцов, состоялось торжественное открытие «Бзыбского комитета» – Общества местного (уездного) отделения распространения просвещения среди абхазцев. С.М. Ашхацава был избран председателем комитета. П. Образцов отмечает: «...абхазцы имеют свою длинную, многовековую историю, и за долгий период своего существования ими накоплены значительные духовные богатства, как язык, народная поэзия, нравы и обычаи. У него есть свои сказания, пословицы, легенды, народные песни, свои «старинки», свои «вопленицы» (надгробные причитания), есть свои «сказители», свои народные певцы. Народившийся комитет и должен взять на себя заботу об охране этих народных духовных богатств и их развитие, и направление... изучать духовный капитал, который сквозь длинный ряд веков нес и сохранил абхазский народ. Каким бы железным кольцом других народностей не были окружены абхазцы, они не будут обречены на духовное разрушение и вымирание...»².

Знаковым событием для молодой Советской Республики Абхазия стало проведение в городе Сухум 1-го Всесоюзного Краеведческого Съезда в 1924 г. В нем принял участие и Семен Ашхацава. А побудило его следующее обстоятельство: «Два месяца тому назад я получил от нашего Научного общества предложе-

¹ Ашхацава С.М. Избранные труды. Сухум, 2019. С. 6.

² Там же. С. 5.

ние сделать на предстоящем Краеведческом съезде доклад по истории Абхазии; тогда я принужден был от такого предложения отказаться как за отсутствием времени, так и за отсутствием соответствующих условий для работы, почему мой доклад и не значится в «Бюллетенях» съезда. Только несколько дней тому назад при пересмотре «Бюллетеней» я не нашел в них ни одного доклада по истории и археологии Абхазии и решил предложить съезду настоящий доклад, который далеко не исчерпывает данного вопроса и является лишь первым опытом, намечающим пути развития абхазской истории¹. Доклад Ашхацаева назывался «Пути развития абхазской истории». Академик Николай Марр об этой работе писал: «Опыт исторического построения прошлых судеб Абхазии и ее государственного образования, предложенный в докладе С.М. Ашхацаева на Краеведческом съезде, помимо того, что резко и неустранимо выдвигает на первый план первоочередных работ вопрос о подлинно-абхазском национальном периоде Абхазского царства, роли в нем абхазского языка и о взаимоотношениях иберов, абхазов и картвелов (грузин) и их языков в государственных образованиях иберском, абхазском и грузинском, является хорошей сводкой имеющихся в литературе сведений материального и теоретического значения, доступной и неспециалистам, и было бы желательно его скорейшее появление в печати»².

В самом начале своего исследования С. Ашхацаева указывал на то, что «...ни об одной народности Кавказа нет столько сведений, сколько о древней Абхазии, мы до сих пор не имеем ее истории, и потому не только в широкой массе, но даже и в научных кругах о ней существуют самые дикие понятия и вследствие этого, конечно, народ все время жестоко расплачивается. Нормально ли: народ, который в течение многих веков объединя-

¹ Ашхацаева С.М. Избранные труды. Сухум, 2019. С. 11.

² Там же. С. 80–81.

нял почти все кавказские народности и сделал колоссальную культурную работу, до сих пор не изучен?!»¹. Он искренне верил, что в Абхазии появятся абхазские профессиональные историки, которые в будущем изучат свой край и донесут истину до широкой общественности.

Работа Семена Ашхацава «Пути развития абхазской истории» состоит из 8 глав. При изучении истории Абхазии он привлекает разные источники – абхазский язык, письменные источники, надписи на церковной утвари, нумизматический материал, сведения из географической номенклатуры и многое другое. Говоря о периоде Абхазского царства, Семен Ашхацава пишет: «Несомненно, что в это время абхазцы и черкесы представляли одну государственную единицу; владения их в разное время простирались на север от р. Терека до рек Волги и Дона, а на запад – по обе стороны Азовского моря и доходили до Крымских степей. На западе, по берегу Черного моря, до самой Анапы жили абхазские племена: абазины, абадзехи, шапсуги, убыхи, джигеты и др., следы пребывания которых остались и до настоящего времени в географических названиях и разного рода памятниках»². Как отмечает ученый, многовековая абхазская культура, воспринятая и претворенная в позднейшей грузинской истории, как бы поглощается этой историей, многие факты абхазской истории получают тенденциозное освещение.

С. Ашхацава подчеркивает, что фальсификация истории Абхазии началась еще с «XVI и XVII вв., в умах передовых деятелей начинает пробуждаться идея объединения картских племен под общим названием уже не Абхазского, а Грузинского государства. Особенной заботой и деятельностью на этом поприще отличился царь Вахтанг IV (1703–1724 гг.), который основал первую типографию, кодифицировал законы, составил новое

¹ Ашхацава С.М. Избранные труды. Сухум, 2019. С. 12.

² Там же. С. 23-24.

«Уложение», собрал все распоряжения и установления, касающиеся государственного и административного права, дополнил и отредактировал летописный сборник «Картлис ҃ховреба» из исторических материалов Абхазского царства. Вот откуда происходит начало той исторической ошибки, о которой мы говорили выше! Стремления грузинских патриотов иметь свою историю, освобождённую от нежелательных им исторических фактов, привело к тому, что большинство фактов Абхазской истории получило тенденциозное освещение, вследствие чего исторический облик многовекового Абхазского государства изменился, претворившись в новой грузинской истории. И потому Н.Я. Марр еще в 1912 году, не будучи знаком с Абхазией, сказал: «В Абхазии, в широком смысле этого термина возродилось новое грузинское царство». А в другом месте, позднее, он прямо говорит: «История абхазов есть начало истории Грузии»¹. И далее ученый отмечает: «Как ни старались историки-патриоты, они не могли бесследно поглотить историю Абхазии с ее многочисленными историческими памятниками, рассеянными по всему Кавказу, как-то: надписями на всевозможных сооружениях и церковной утвари; историческими документами в разных монастырях; монетами; географической номенклатурой; лингвистическими данными; сведениями в иностранной литературе и многими другими»². Семен Ашхацава прекрасно понимал и роль настоящего в жизни абхазского народа. В конце своего исследования он писал: «Что же касается современного революционного периода, то ввиду его исключительного значения в истории развития всего человечества и, в частности, в истории развития Абхазии необходимо уже сейчас приступить к сохранению всех материалов, документов и памятников этого периода для того, чтобы иметь возможность воссоздать полную картину.

¹ Ашхацава С.М. Избранные труды. Сухум, 2019. С. 40–41.

² Там же. С. 42.

Кроме перечисленных источников, есть самый главный и самый богатый источник, это – сам народ, в котором сохранились следы и отпечатки его исторических переживаний. К сожалению, этот богатейший материал остается неисследованным и неизученным во всем его многообразии; главной причиной этого является отсутствие той высокой квалификации, которая требуется от исследования при изучении каждой отдельной стороны этой жизни... Как прошлое уясняет настоящее, так и последнее бросает свет в туманную даль прошлого, благодаря чему исторические факты, с точки зрения исторического метода уже отмершие, оживают вновь и таким образом этнографический метод дает возможность разрешить исторические проблемы»¹.

Другим ярким представителем абхазской интеллигенции, чье творчество касается разных областей абхазской культуры как ее деятеля и во многих случаях – зчинателя, был Дмитрий Иосифович Гулиа, энциклопедист, первый абхазский историк. Он проявлял большую активность в вопросе распространения исторических знаний, притом на родном языке. Уже в июне 1921 года Гулиа читает лекцию «История абхазского народа» в Государственном театре, переполненном представителями училищества республики, творческой интеллигенции столицы, партийными и советскими работниками. В апреле 1923 года Д.И. Гулиа основные положения своей будущей книги «История Абхазии» излагает на заседании специальной комиссии Наркомпроса Абхазии. В июле того же года он на заседании Абхазского научного общества (АБНО) выступает с двумя докладами: «О происхождении абхазов» и «О местонахождении бывшего в Колхиде великого города Диоскурии и великой абхазской крепости Трахеи». По проблеме происхождения абхазского народа и истории Диоскурии Д.И. Гулиа выступает также на I съезде деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного

¹ Ашхацава С.М. Избранные труды. Сухум, 2019. С. 79.

Кавказа, состоявшемся в Сухуме 12–19 сентября 1924 года под председательством академика Н. Я. Марра, а на II съезде (Батум, 1925 год) сделал доклад на тему «Божества охоты и охотничий язык у абхазов. К этнографии Абхазии». Известно также, что Д.И. Гулиа в своей педагогической практике широко оперировал историческим материалом, особенно относящимся к далекому прошлому абхазского народа¹.

Главным историческим сочинением Д.И. Гулиа, над которым он трудился более десяти лет, является его книга «История Абхазии», вышедшая в Тифлисе в 1925 году. Она охватывает период с древнейших времен до X века. Д.И. Гулиа решил собрать все доступные ему более или менее ценные по истории Абхазии сведения, хотя бы в скромном виде, дать им критическое истолкование, опираясь, главным образом, на данные абхазского языка, местами заполнив необходимыми разъяснениями и новыми сведениями.

В предисловии книги Д. Гулиа писал: «Приступая к составлению истории Абхазии и абхазского народа, мы вправе заявить, что этот ныне немногочисленный народ с великим прошлым до сего времени не имеет хотя бы краткой, но цельной связной истории. В литературах других народностей нет более или менее ценных трудов, подробно и систематически рассматривающих историческую жизнь абхазов, с ее укладом и развитием, с ее отличительными нравственными и психологическими особенностями»².

Следует заметить, что так же, как С. Басария и С. Ашхацава, Д. Гулиа волнует одно немаловажное обстоятельство, а именно произвольное толкование различными авторами истории Абхазии. Он отмечает: «Отрывочные и противоречивые сведения разных писателей и историков – римских, византийских, грузин-

¹ Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т. VI. История Абхазии. Этнография. Сухуми, 1986. С. 17–18.

² Гулиа Д.И. История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925. С. 7.

ских, арабских, русских и др., собранные вместе и изложенные в хронологическом порядке, не составляют еще истории абхазского народа, а являются лишь черновым очерком его жизни, материалом для истории. Как выясняется, сведениям, собираемым даже и в настоящее время, далеко не всегда можно доверяться; к этой категории можно отнести сведения, заимствованные не из первых, а из десятых рук и при этом без основательной критической проверки, а также сочинения некоторых кавказских писателей, которые руководятся известной предвзятой идеей.

Приблизительно это можно сказать и об иностранных писателях. Многие из них о колхах, часть семьи коих составляют, по-видимому, и абхазы, писали многое, не видя их и не бывая ни разу в их стране – Колхиде, а по рассказам случайных путешественников и купцов, которые, по некоторым своим соображениям и целям иногда передавали неправдоподобные сведения о колхах и об их стране Колхиде»¹.

При написании своего труда Д. Гулиа сталкивался с большими проблемами. Важнейшим пробелом в историческом материале 1920-х годов было отсутствие материалов по археологии Абхазии. По этому поводу он писал: «Археологические изыскания в Абхазии могли бы многое осветить, правда, для этого потребуются кадры специально подготовленных ученых. Между тем не только зарытые в земле древности, но и доступные изучению памятники на поверхности мало исследованы, не изучены специалистами даже христианские памятники, более многочисленные. Единственные маленькие научные работы в этом направлении принадлежат проф. Д.В. Айналову и графине Уваровой»².

Д. Гулиа собрал все имеющиеся в его распоряжении более или менее ценные по истории Абхазии сведения, хотя бы в сжатом виде,

¹ Гулиа Д.И. История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925. С. 7–8.

² Там же. С. 8–9.

дал им критическое истолкование, опираясь, главным образом, на данные абхазского языка, местами заполнив необходимыми разъяснениями, а местами и новыми сведениями, какие он смог найти при ограниченности нужной ему литературы в Сухуме.

Говоря о своем труде, автор писал: «Главная цель нашего труда – привлечь внимание к абхазскому языковедению, возбудить интерес к проблемам, связанным с историей прекраснейшей в мире, столь богатой красотами природы страны, и побудить научные круги обратить внимание на абхазоведение, как на путь к решению ряда вопросов о прошлом не только Кавказа, но и всей Передней Азии... этот труд, надеюсь, будет первым камнем, брошенным в спокойную гладь научного равнодушия и возбудит приток сил к разработке задач по истории культур и наций Кавказа»¹.

К научному наследию Д.И. Гулиа, к оценке его творчества необходимо подходить исторически, с учетом степени изученности прошлого абхазского народа и вообще уровня развития исторической науки в начале 20-х годов, ограниченности источников, почти полного отсутствия археологических материалов. Тем не менее, исторические работы Д.И. Гулиа выполнили для своего времени свою миссию.

«История Абхазии» Д.И. Гулиа – очень ценная историческая работа, в ней содержатся много фактических данных. Особенно это относится к этногенетическим, лингвистическим и фольклорным материалам, которые служат первоисточником для интересующихся этой стороной вопроса. Книга интересна, тем, что в ней в приложении дан ценный хрестоматийный материал – извлечения из древнегреческих и римских описаний Кавказа. Автор изучил значительное количество и других источников и литературу предмета (в «Источниках» перечислено 86 названий – на русском, грузинском, абхазском и немецком языках). «Меня поразило и то, – писал Н. Я. Марр, – как Д.И. Гулиа в городе,

¹ Гулиа Д.И. История Абхазии. Т. I. Тифлис, 1925. С. 13–14.

пока не располагающем специальной библиотекой по абхазоведению, достиг все-таки того, что использовал значительное число произведений из литературы об абхазах и относящихся к поставленной им задаче предметах... В книге много осведомительного материала...»¹.

Сочинение Д.И. Гулиа, как отмечали в свое время З.С. Агрба и А.К. Хашба, «при всех недостатках, это наиболее солидная и серьезная работа по истории Абхазии, вышедшая в свет в первые годы после советизации Абхазии»².

В своих изысканиях по вопросам происхождения и развития абхазского этноса Гулиа привлекает обширный материал по религии и мифологии как самих абхазов, так и древних народов Средиземноморья, Малой и Передней Азии и проводит интересные параллели.

Характеризуя работу Д.И. Гулиа в исследовании вопросов истории Абхазии, академик Н.Я. Марр подчеркивал: «...Бесспорный факт, что до сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Гулиа, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый, ни в Европе, ни на Кавказе... не удосуживался и не скоро удосужится для составления работы, по глубине искреннего интереса, подобной той, которая уже готова у Д.И. Гулиа»³.

Относительно судеб исторических сочинений первых ученых следует заметить, что книга С.П. Басария, как и её автор, пережили довольно тяжёлую судьбу. С. Басария и его работа были обвинены в национализме и антимарксизме. Сам он неоднократно подвергался жёсткой критике и преследованиям. Так же, как и С. Басария, были подвергнуты обвинению в национализме Д.И. Гулиа и С.М. Ашхацава, чьи работы были жесточайшим

¹ Гулиа Д.И. Собрание сочинений. Т. VI. История Абхазии. Этнография. Сухуми, 1986. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Там же. С. 5.

образом раскритикованы. Впоследствии, в годы массовых политических репрессий, С. Басария и С. Ашхацава были арестованы и физически уничтожены. От имени Д.И. Гулиа была написана брошюра «О моей книге «История Абхазии», в которой он якобы отказывался от большинства положений, изложенных в книге.

Главное, на что ополчились критики, хотя прямо об этом и не говорится, было то, что все эти авторы утверждали самостоятельность истории Абхазии, аборигенность, то есть автохтонность абхазского народа. Указывалось, что Грузия и грузинский народ не оказали решающего влияния на историю Абхазии, что вызывало резкое недовольство высшего партийного руководства, стремившегося закрепить Абхазию за Грузией¹.

Таким образом, именно в 20-е годы XX в. формируется историософия истории Абхазии и складывается историческая концепция абхазской государственности. Понимая роль отечественной истории для молодого Абхазского государства, абхазские энтузиасты делали все возможное для становления исторической абхазской школы.

Работы Симона Басария, Семена Ашхацава и Дмитрия Гулиа следует рассматривать как фундамент абхазской исторической науки. Тезисы и положения, содержащиеся в них, по истечении времени не утратили своей актуальности. Они затрагивают языки, обычаи, мифологию, историю, демографию, географию и многое другое, т.е. все сферы жизнедеятельности абхазского народа. Более того, эти работы носят источниковедческий характер. Они ценны еще и тем, что лишены идеологических клише. Фактически они стали ответом на вызов времени, в которых авторы обосновывали самобытность абхазского народа, их автохтонность и родство с северокавказскими народами, и по сути противостояли давлению грузинской политической и научной элиты.

¹ Салакая С.Ш. Вопросы истории Абхазии XIX – начала XX века в абхазской советской историографии. Сухум, 2009. С. 14–15.

«АБХАЗПЕРЕСЕЛЕНСТРОЙ»: ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Чтобы целостно отобразить общие закономерности всей национал-шовинистической политики сталинской тоталитарной системы в Абхазии, необходимо осветить не только массовые репрессии абхазского народа, уничтожение его интеллигенции, но и обратную сторону этого исторического процесса – переселение большого числа жителей Грузии на территорию Абхазии и подавление абхазского языка.

Для решения переселенческой задачи в 1937 году по инициативе Л.П. Берия было создано мощное строительное управление «Абхазпереселенстрой». Переселенческий отдел СНК ССГ и АССР Абхазии два десятка лет занималось переселением грузин и мегрелов в Абхазию.

14 сентября 1939 г. СНК СССР утвердил положение о переселенческом управлении при Совнаркому Союза ССР. Переселенческие отделы создавались при СНК союзных и автономных республик. Начальником переселенческого отдела при СНК ГССР был назначен В. Рапава, а при СНК АССР Абхазии – Джанджгава. Другим более важным для Грузинской ССР решением союзного правительства явилось постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 25 апреля 1940 г. «О мерах по дальнейшему развитию чайного хозяйства, цитрусовых культур, виноградарства и качественного виноделия в Грузинской ССР». В этом документе упомянут только Гальский район Абхазской АССР. С него фактически и начинается новый планомерный массовый этап переселенческого движения на территории Абхазии¹.

¹ История Абхазии. Гудаута, 1993. С. 348.

В докладной записке, составленной в 1940 г. Госпланом Абхазии для правительства республики, говорится: «По инициативе любимого сына грузинского народа товарища Л.П. Берия в Абхазию переселяются из малоземельных районов Грузии тысячи крестьянских хозяйств, которые осваивают огромное количество веками заброшенных земель. Организовано 11 новых переселенческих колхозов из малоземельных районов Грузинской ССР»¹.

Мероприятиями по переселению в Абхазию руководили переселенческий отдел при СНК Абхазии, Наркомзем Абхазии и Абхазская строительная контора переселенческих колхозов переселенческого отдела СНК Грузинской ССР под названием «Абхазпереселстрой», созданная 25 июня 1937 г. при Наркомате земледелия Абхазии. Так, за короткий промежуток времени, с 1937 по 1941 г., было организовано 10 новых переселенческих колхозов с населением до 10 000 человек, их нередко освобождали от уплаты подоходного налога. Переселенцы строили дома, новые посёлки и дороги. Помогали им обзавестись хозяйством, приобретали скот, выделяли для них продовольственное зерно и промтовары. Все эти расходы государство брало на себя.

Под председательством зам. Председателя СНК Грузинской ССР Г. Стуруа 20 марта 1940 г. состоялось заседание, обсудившее проект плана сельскохозяйственного переселения по Грузинской ССР на 1941 и 1942 гг. Так, в постановлении №518 СНК Грузинской ССР от 20 марта 1940 г. «О проекте плана сельскохозяйственного переселения по Грузинской ССР на 1941 и 1942 гг.» читаем: 1. Представленный Госпланом при СНК Груз. ССР и переселенческим отделом при СНК Груз. ССР проект плана сельскохозяйственного переселения на 1941 и 1942 гг. одобрить по следующим основным показателям:

¹ Ачугба Т.А. О национальном составе Абхазии: II половина XIX – XX вв. Сухум, 1999. С. 33.

а) определить контингент переселяемых хозяйств из малоземельных районов на осушение земли Колхидской низменности, в многоземельные районы Абхазской и Аджарской АССР и на орошаеьые земли Тбилисского района в количестве 2325 в 1941 году и 2475 в 1942 г., всего – 4800, в том числе до приселяемых в существующие колхозы 1750 и размещенных в 19 новых посёлках 3050 хозяйств...;

б) определить общую стоимость строительства и других мероприятий, связанных с переселением: по госбюджету в сумме 8653, 8 тыс. руб. в 1941 году и 7921,1 тыс. рублей в 1942, всего – 16 574, 9 тыс. рублей; в том числе на привлечение и перевозку 4800 хозяйств...

2. Проект плана сельскохозяйственного переселения по Груз. ССР на 1941 г. и 1942 г. представить Госплану при СНК ССР и Переселенческому Управлению при Совнаркоме Союза ССР»¹.

Из этого проекта видно, что в Абхазскую АССР, а также частично в Аджарскую АССР и на брошенные земли Тбилисского района предусматривалось вселить 4800 хозяйств. И все расходы, связанные с переселением, государство брало на себя.

Следует отметить, что грузинские сёла размещались, как правило, среди компактных масс абхазского народа с преднамеренной целью – создать анклавы с грузинским населением, которые должны были стать опорными пунктами и источниками планируемых ассимиляционных процессов².

В связи с постановлением ЦК ВКП (б) и СНК ССР от 25 апреля 1940 г. СНК ГССР были разработаны специальные «Мероприятия по переселению в Абхазию на 1940–1944 годы». В целом в Грузии запланировано было переселить 10380 хозяйств, в том числе в Абхазскую АССР – 5404.

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сухум, 1962. С. 55–56.

² Хварцкая М. История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 56.

В пояснительной записке к плану по сельскохозяйственному переселению на 1940 г. по Грузинской ССР говорилось: «Переселение колхозников и единоличников в Абхазскую АССР производится в целях использования большого количества свободных земель, которые не могут быть освоены местным населением ввиду недостаточности трудовых ресурсов»¹.

Очевидно, что освоение свободных земель – надуманная причина, с целью демографической экспансии Абхазии. В Абхазии никогда лишних свободных земель не было. Тем более земель, которые не могли бы освоить сами колхозники Абхазии, без помощи грузин.

Цель демографической агрессии – создать численный перевес грузинского населения в Абхазии. В те годы всё это преподносилось народу как прогрессивное мероприятие. Но на самом деле это было «освоением» абхазских земель. Демографическая экспансия служила, прежде всего, задаче захвата грузинами абхазских земель, вытеснения их с насиженных мест и ассимиляции в растущей грузинской массе.

С такой политикой абхазский народ не мирился. Так, народный комиссар земледелия и заместитель Председателя СНК Абхазской АССР Т.Ч. Бганба заявил о своем несогласии с проводимой переселенческой политикой в Абхазии и вопреки утверждениям о наличии заброшенных плодородных земель сообщил, что в Абхазии нет лишних площадей. За такое публичное заявление Указом Президиума Верховного Совета Абхазской АССР от 14 декабря 1940 г. он был снят с поста заместителя Председателя Совнаркома и наркома земледелия Абхазской АССР.

Планом на 1940 год предусматривалось заселение существующих, вновь организуемых колхозных посёлков Абхазии: сёл Киндги, Адзюбжа, Атара Абхазская, Акваска Очамчырского района, Бамбора, Звандрипш Гудаутского района, Бзыбь, Лдзаа,

¹ История Абхазии. Гудаута, 1993. С. 349.

Кингисеп Гагрского района. На эти земли предполагалось заселить свыше 1000 дворов крестьян из Западной Грузии¹.

Недовольные такой политикой, абхазы открыто вели борьбу против переселения грузин в Абхазию. Так, директор Отхарской средней школы Риква Кокоскерия не раз выступал против переселенческой политики. Он говорил: «У нас в Отхарах нет достаточных для себя пахотных земель, и что есть, насильственно отбирают у абхазских колхозников грузины»².

Жители села Абгархук: Иосиф Смыр, Коля Колбая, Меджит Базба, Хаджарат Ладария и другие открыто осуждали создание в их селе грузинского посёлка за счет лучших земель крестьян – абхазов. Председатель сельского Совета Дуг Отырба и председатель колхоза Алексей Бесландзия неоднократно ставили перед районным руководством вопрос об упразднении указанного поселка, но их не поддержали.

На сессии Верховного Совета Абхазской АССР, состоявшейся в июне 1940 г., большое внимание былоделено переселенческой политике в Абхазии. Райкомы партии и исполнкомы райсоветов должны были систематически информировать и отчитываться перед вышестоящими органами о ходе реализации намеченных мероприятий. Так, председатели Гудаутского, Гагрского и Очамчирского исполнкомов свои речи начинали с рассказа о том, как в этих районах идёт переселение. Приведём несколько примеров. В своей речи Председатель Гагрского исполнкома райсовета депутатов трудящихся В. Квеквеция на сессии Верховного Совета Абхазии заявил: «Начатое по инициативе тов. Л.П. Берия переселение колхозников из малоземельных районов Грузии на плодородные земли Абхазии принимает в нашем районе всё более широкий размах. Уже переселено 319 хозяйств колхозников из переселенцев, создано 3 колхоза.

¹ История Абхазии. Гудаута, 1993. С. 349.

² Хварцкия М. История фальсификация и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 59.

Для колхозников построено 390 домов»¹. Также в своей речи Председатель Очамчырского исполкома райсовета депутатов трудящихся Д.М. Тарба на сессии заявил: «Начатое по инициативе Л.П. Берия переселение колхозников из малоземельных районов Грузии в Абхазскую АССР особенно широкий размах приняло у нас, в Очамчырском районе. Сейчас уже организовано два переселенческих колхоза, где уже построено 660 домов, которые заселены колхозниками. Планом на 1940 г. предусмотрено строительство ещё 400 новых домов для колхозников переселенцев, из них в Акваскинский с/с – 100, в Беслахубо – 100 и в Тамыш – 200 домов»².

Следует подчеркнуть сам характер, форму и методы осуществления переселенческих мероприятий. С самого начала массового переселения руководители ЦК КП Грузии и СНК республики столкнулись с серьезными трудностями, связанными с отсутствием свободных земель. Организаторы этого мероприятия не учли одного, очень важного фактора, – 2/3 территории Абхазии были заняты горами. В первые 2-3 года были исчерпаны имеющиеся свободные земли. Но отступать уже было нельзя, так как этот вопрос находился под строжайшим контролем НКВД СССР и лично Берия.

В конце 1940 г. СНК Грузинской ССР и ЦК Компартии Грузии разработали план и порядок подготовки земель для освоения переселенческих колхозов в Абхазской АССР. В апреле и мае 1941 г. СНК и ЦК КП Грузии рассмотрели ход выполнения данного постановления. Было принято решение отобрать у абхазских колхозов Очамчырского района свыше 1000 га лесного массива, закрепленного за ними. Но эта задача оказалась трудной и выполнена не была. Тогда 2 сентября 1941 г. СНК Грузии вынес постановление следующего содержания: «Отрезать

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 70.

² Там же. С. 98–99.

излишek неосвоенных земель от 12 колхозов Абхазской АССР и передать их вновь организованным колхозам...»¹.

Совнарком СССР своим постановлением №9821 от 10 октября 1941 г. разрешил СНК Грузии изъять «4544, 69 га неосвоенных земель от 12 колхозов Очамчырского и Гудаутского районов Абхазской АССР». Понятно и то, почему выбор пал на эти два района: именно в них компактно проживали абхазы.

Исполнение данного поручения СНК Абхазии возложил на Наркомзем и исполком Гудаутского и Очамчырского райсоветов – Д. Черкезия и Д. Тарба. Для оформления изъятия этих земель в пользу переселенцев были созданы специальные комиссии. Абхазский обком партии, напичканный грузинскими националистами, активно поддерживал эту политику, все решения по данному вопросу он осуществлял беспрекословно и вовремя.

Следует подчеркнуть немаловажный аспект касательно желания переселенцев покинуть родные земли. Переселение проводилось как добровольно, так и насильственными методами. ЦК КП Грузии, правительства Грузинской ССР и Абхазской АССР проводили усиленную пропагандистскую и организаторскую работу среди жителей западных районов Грузии. Так, в западные районы Грузии от имени руководства Абхазии направлялись специальные уполномоченные по вербовке населения из Амбролаурского, Онского, Гегечкорского, Цаленджикского, Абашского, Цулукидзевского, Аспиндского, Озургетского, Зугдидского и других районов.

Следует отметить, что грубо нарушились правила подбора контингента переселенцев, имело место нарушение принципа добровольности при переселении. Так, в силу известных объективных обстоятельств многие переселенцы убегали обратно в родные районы, не рассчитавшись с государством за расходы, затраченные на строительство переселенческих домов. СНК Абхазии

¹ Абхазия: документы свидетельствуют 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 100.

всю вину за массовый уход переселенцев без всякого основания переложил на Очамчырский и Гудаутский исполнительные комитеты. Правительство Грузинской ССР 29 апреля 1942 г. рассмотрело снова вопрос «О мероприятиях по сельскохозяйственному переселению на 1942 г. по Абхазской АССР»¹. Из этого решения видно, что, несмотря на войну, переселенческая политика в Абхазии продолжалась. Так, в послании секретаря ЦК КП Грузии Чарквиани К.Н. Председателю Совнаркома Грузинской ССР тов. Бақрадзе В.М. от 12 января 1942 года читаем: «По состоянию на 1 января 1942 г. имеется в существующих переселенческих колхозах не заселённых (свободных) 111 домов. Помимо этого, по плану строительства 1941 года находятся в тех посёлках в процессе окончания строительством 226 домов (список прилагается). Кроме того, в Сухумском районе имеется 88 домов переселенческих немцев-колхозников, которые по сей день не заселены. Таким образом, по Абхазии на 1 января 1942 года имеется незаселенных 425 домов. До начала весенних сельхозработ остались считанные дни. Несмотря на это, Переселенотдел при Уполномоченном Эвакомиссии по Грузинской ССР по подбору контингента переселенцев никаких мероприятий не проводит, и своевременное заселение этих домов под угрозой срыва. Абхазобком КП (б) Грузии и СНК Абхазской АССР просят Вашего распоряжения Переселенотделу немедленно приступить к подбору контингента переселенцев на основе существующих правил и обеспечить их переселение ровно весною»².

Итак, по переселенческому плану на 1942 г. заселению подлежали Беслахуба, Кочара и Кутол Очамчырского района, Звандрыш, Арсаул, Куланырхуа и Бамбора Гудаутского района.

Следует отметить, что грузинские деятели не раз заявляли: «Мы должны занимать и осваивать абхазские земли как можно

¹ История Абхазии. Гудаута, 1993. С. 352.

² Абхазия: документы свидетельствуют 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 110.

скорее, иначе их займут русские»¹. СНК Абхазии и бюро Абхазбкома КП Грузии 28 января 1943 г. обсудили вопрос о ходе подготовительных работ к весеннему севу в переселенческих колхозах Абхазской АССР. Наркомзему Абхазии, Гудаутскому и Очамчырскому РИК было предложено в кратчайший срок выделить переселенческим колхозам новые пахотные земли для обеспечения плана весновспашки, а директорам и начальникам политотделов МТС – обеспечить качественное и своевременное проведение тракторных работ.

В соответствии с постановлением СНК Грузинской ССР от 14 июня 1944 г. «О плане сельскохозяйственного переселения на 1944 год» СНК Абхазии в конце июня принял постановление «О плане переселенческих мероприятий по Абхазской АССР на 1944 г.». Только за счет средств республики на эти цели выделялось 7639,7 тыс. рублей, а на строительство жилых домов предусмотрено было израсходовать 1800 тыс. рублей, на ремонт жилых домов – 1160 тыс. рублей, на заготовку стройматериалов на 1945 год – 2500 тыс. рублей. Гудаутский и Очамчырский исполнкомы обязывались выделить необходимое количество рабочей силы для строительства переселенческих колхозов². Следует отметить, что плановое переселение в Абхазию продолжалось и в последующие годы. Особый интерес в этом плане представляет «Краткая докладная записка о состоянии переселения за период 1937–1953 годы». В ней говорится, что внутриреспубликанское сельскохозяйственное переселение в Грузинской ССР проводится с 1937 года. Целью сельскохозяйственного переселения является переселение колхозников из малоземельных и малоурожайных колхозов горных районов республики в многоземельные районы для освоения вновь вводимых в сельскохозяйственный оборот орошаемых, осушаемых

¹ Хварцкий М.И. История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 60.

² Абхазия: Документы свидетельствуют 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 114.

земель и новых площадей под чайные плантации, субтропические и зерновые культуры. В местах выхода на переселение отбираются хозяйства в тех колхозах и бригадах, где имеется избыток рабочей силы, земли малоурожайные, распределение на трудодень низкое. Переселение проводится на добровольных началах. Переселение в районы Абхазской АССР, в Колхидскую низменность и в районах возделывания пшеницы проводилось в соответствии с постановлением СНК Грузинской ССР от 25 апреля 1940 года «О мерах по дальнейшему развитию чайного хозяйства, цитрусовых культур, виноградарства и качественно-го виноделия в Грузинской ССР; постановлением Совета Министров Союза ССР от 11 февраля 1949 года № 628 «О мерах по дальнейшему развитию культуры чая в Грузинской ССР». Постановлением Совета Министров Союза ССР от 5 октября 1950 года № 4166 «О мерах по увеличению производства пшеницы, дальнейшему росту поголовья скота и птицы и повышению продуктивности общественного животноводства в Грузинской ССР»; Постановление Совета Министров Союза ССР от 17 мая 1951 года № 1637 «Об увеличении закладки чайных плантаций в Грузинской ССР; постановлением Совета Министров Союза ССР от 9 сентября 1953 года № 2373 «О дальнейшем развитии производства табака, винограда, цитрусовых и других плодов, картофеля и овощей в Грузинской ССР».

До 1939 года внутриреспубликанское сельскохозяйственное переселение проводили Народный Комиссариат земледелия ГССР и другие организации. В 1939 году было организовано особое отделение – переселенческий отдел при Совете Народных Комиссаров Грузинской ССР.

В годы Отечественной войны (1941–1945 гг.) переселение было приостановлено, и переселенческий отдел был реорганизован в отдел по хозяйственному устройству эваконаселения при Совете Народных Комиссаров Грузинской ССР. Постановлением

Совета Министров Грузинской ССР от 14 июня 1944 года за №662 отдел по хозяйственному устройству эваконаселения был реорганизован в переселенческое управление при СНК ГССР, и при переселенческом Управлении была организована ремонтно-строительная контора на самостоятельном хозяйственном расчёте.

За период 1937–1953 гг. включительно было переселено 7 066 хозяйств¹.

Так, плановое переселение в Абхазию продолжалось до середины 50-х годов. Последняя партия переселенцев прибыла в Абхазскую АССР в 1956 году в качестве 145 хозяйств. Они были переселены сюда из Кабардино-Балкарской АССР и из районов Карачаево-Черкесской автономной области, куда были заселены ранее по указанию Берия.

Таким образом, насильственное выселение абхазов в середине XIX в. в Турцию и другие страны Ближнего Востока и широкомасштабная колонизация, принявшая особо широкий размах в годы правления Сталина и Берия, привели к сокращению удельного веса коренного абхазского населения до грани, поставившей его перед угрозой полной ассимиляции и вырождения². Достаточно посмотреть на динамику национального состава населения Абхазии с 1886 года. Так, в 1886 г. абхазы составляли 85,8 %, грузины – 5,8 %; в 1897 г. абхазы – 55,3 % грузины – 24,4 %; в 1926 г. абхазы – 26,4 %, грузины – 31,8 %; в 1939 г. абхазы – 18 %, грузины – 29,5 %; в 1959 г. абхазы – 15,1 %, грузины – 39,1 %.

Итак, цель демографической агрессии – создать абсолютный численный перевес грузинского населения в Абхазии. Эта цель достигалась также за счёт иммиграции и оттока русских, греков, армян и других из Абхазии. Так, греки в своём большинстве

¹ Ачугба Т.А. О национальном составе Абхазии: II половина XIX – XX вв. Сухум, 1999. С. 21.

² Маан О.В. Абжуа. Сухум, 2006. С. 232.

вынуждены были в 1949 году оставить Абхазию. Такая участь была уготована и для оставшихся абхазов.

Известно, что в 1949–1951 гг. Берия готовил операцию по депортации абхазов. Интерес представляет то, что в это время появились первые статьи грузинского литературоведа П. Ингороквы, в которых утверждалось, что абхазы поселились в Абхазии лишь в XVII веке, а грузины были коренными жителями этой страны.

Как видим, имперские интересы Грузии в Абхазии обслуживались деятелями грузинской науки с конца XIX столетия. Не успели ещё грузины твёрдой пятой встать в Абхазии, как в 80-х годах XIX века, одновременно с появлением первых компактных грузино-мегрельских поселений, рождается труд Д. Бакрадзе о пришлости абхазов, а не грузин. Около 70 лет спустя, в 1949–1951 гг., когда Абхазию уже наводнили грузино-мегрелами и превратили абхазов в меньшинство, грузинские ученые в лице Ингороквы и других вновь начинают эксплуатировать идею о пришлости абхазов, чтобы подвести идеологическую базу под новую депортацию оставшихся 60 тысяч абхазов, так сильно докучавших имперским устремлением Грузии¹.

¹ Лакоба С.З. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра, 1993. С. 21–22.

РЕПРЕССИВНЫЕ ПРАКТИКИ СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА В АБХАЗИИ: ЭТНИЧЕСКИЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Политический курс И.В. Сталина и Л.П. Берия в Абхазии был неразрывно связан с репрессивной ротацией местных управлений кадров и целенаправленным обновлением партийного и хозяйственного аппарата, осуществлявшимся по этническим критериям в конце 1930-х гг. и радикально изменившим региональное общество¹.

Имперская политика советского руководства в Абхазии имела шовинистический характер, резко диссонирующий с официальной идеологической парадигмой, провозглашавшей вечную и нерушимую дружбу братских народов. Сталинская региональная стратегия предполагала последовательное осуществление латентного геноцида малых народов, сохранившиеся сегменты которых подлежали принудительной грузинизации. Применительно к Абхазии целенаправленно уничтожалась не только административная и хозяйственная элита, но и местная интеллигенция, выступавшая главным носителем этнической идентичности. Одновременно жесткий репрессивный механизм действовал против абхазского крестьянства, составлявшего основную часть активного населения и отличавшегося традиционным свободолюбием. Насильственная ассимиляции этнических абхазов сопровождалась как физическим уничтожением признанных лидеров, так и массовой высылкой потенциально опасных

¹ История Абхазии: учебное пособие. Гудаута, 1993. С. 345.

элементов. Целевые установки ассимиляционной политики отчетливо проявились уже в 1931 г., когда Абхазия, согласно сталинскому желанию, была преобразована в автономную республику и включена в состав Грузинской ССР. Репрессивный курс был продолжен в 1934 году, когда Грузия, руководимая Л.П. Берия, начала активно вмешиваться в экономические, социальные и административные процессы в абхазском обществе¹.

Но до начала освещения вопроса массовых репрессий в Абхазии коротко остановимся на выявлении истоков этого процесса. Так, в борьбе двух альтернатив – демократической и тоталитарной – уже в 1929 г. победила последняя модель власти².

Главной задачей и функцией законодательства сталинской поры, несмотря на привлекательные декларации, было всё же подавление личности во имя классовых и государственных интересов. Ещё в первые годы ожесточённой борьбы за создание Советского государства законы были объявлены орудием пролетарской диктатуры, методом политического руководства, способом подчинения людей и классов порядкам, угодным рабочему классу. Появилась основа для субъективизма в оценке доказательств вины, пренебрежительности отношения к соблюдению процедуры предварительного следствия и судебного разбирательства. В обществе поддерживалось подозрительное отношение к выходцам из «социально чуждых» классов и слоёв³.

Опираясь на подготовленную нормативную базу, советское руководство начало массовые репрессии против «социально чуждых» классов и слоев. Они усилились после известного убийства С.М. Кирова, рассматривавшегося в широких партийных кругах как реальная альтернатива И.В. Сталину. 1 де-

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. Сухум: Алашара, 1992. С. 4.

² Хашба А.М. Политический террор середины 30–40-х гг. и его цели. Труды АГУ. Ч. 2. Сухум, 2003. С. 129.

³ Там же. С. 130–131.

кабря 1934 г. по прямому сталинскому указанию было принято печально известное постановление ЦИК СССР, согласно которому правоохранительной системе предлагалось «вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком», а судебным учреждениям – «не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания»¹. Главную репрессивную роль играл Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), который не только курировал оперативно-розыскные и следственные процессы, но и обеспечивал незамедлительное исполнение вынесенных приговоров к высшей мере наказания. Презумпция невиновности и помилования исключалась из правоохранительной практики, а в следственную практику вошли практически узаконенные пытки подозреваемых и обвиняемых. Массовые нарушения действующего законодательства стали обычным явлением, а репрессивные действия усилились в конце 1936 года. Своеобразным катализатором стала совместная сочинская телеграмма И.В. Сталина и А.А. Жданова, адресованная членам Политбюро Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову. В сохранившемся тексте говорилось о том, что всесильный нарком Г.Г. Ягода не смог в полной мере разоблачить так называемый «троцкистско-зиновьевский блок». В срочном порядке он был освобожден от должности председателя ОГПУ и руководителя НКВД, а затем арестован и расстрелян. Новым наркомом внутренних дел был назначен Н.И. Ежов, работавший секретарём ЦК ВКП (б) и председателем Комиссии партийного контроля. И.В. Сталин постоянно требовал от НКВД новых разоблачений «врагов народа», большинство из которых в прошлом являлись политическими противниками всесильного Генерального секретаря ВКП (б). Репрессивный курс получил новый импульс на февральско-мартовском Пле-

¹ Хашба А.М. Политический террор середины 30–40-х гг. и его цели. Труды АГУ. Ч. 2. Сухум, 2003. С. 145.

нуме ЦК 1937 г., а по итогам года общее число арестованных увеличилось более чем в десять раз¹. Аресты производились с грубейшими нарушениями социалистической законности, без санкции прокурора. В этих вопросах их функции выполняли сам Сталин и его окружение, в отношении руководящих кадров были своего рода «прокурорами». Правоохранительные органы фабриковали мнимые «дела» о «шпионах» и «вредителях», «антисоветских центрах», «блоках», «заговорах». С точки зрения степени предлагаемой опасности для государства лица, подлежащие репрессиям, были разделены на две категории. К первой были отнесены все наиболее враждебные (по усмотрению НКВД). «Они, – говорилось в приказе № 01347 от 30 июля 1937 г. Наркома внутренних дел ССР Генерального комиссара государственной безопасности Н.И. Ежова, – подлежат немедленному аресту и, по рассмотрению их дел на тройках, – расстрелу. Остальные «менее активные», но всё же враждебные элементы должны были подвергнуться аресту и заключению в лагере или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет².

В Абхазии под личным контролем И.В. Сталина и Л.П. Берия проводилась масштабная чистка управляемого аппарата, хозяйственных структур, учреждений образования науки и культуры от мнимых «врагов народа», отбиравшихся по этнической принадлежности. Главным объектом спланированной репрессивной политики были реальные носители национальной идентичности, способные противостоять развивавшемуся ассимиляционному процессу. Длительное время указанные процессы сдерживались абхазским лидером Н.А. Лакоба, использовавшим личные связи с И.В. Сталиным для системного сокращения грузинского вмешательства в местную жизнь. Однако он не мог

¹ Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум, 1995. С. 6.

² Хашба А.М. Политический террор середины 30–40-х гг. и его цели. Труды АГУ. Ч. 2. Сухум, 2003. С. 134.

полностью сдержать нарастающую волну репрессий, охватывающую советское общество.

Насильственная смерть Н.А. Лакоба, отравленного в Тифлисе по личному указанию Л.П. Берия, положила начало тотальной репрессивной практике в Абхазии. Прибывшая специальная следственная группа НКВД начала массовые аресты, осуществлявшиеся по особым спискам, согласованным с грузинским руководством. По так называемым делам «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации» и «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» было репрессировано несколько тысяч граждан из числа партийных, советских, профсоюзных, комсомольских работников, а также деятелей науки и культуры, рядовых рабочих и крестьян. Но прежде чем переходить непосредственно к уголовным делам, созданным органами НКВД, следует коротко остановиться на роли органов массовой информации. Главным образом, речь идёт об областных газетах, которые ещё до открытого судебного процесса в г. Сухуме и решений других карательных органов, таких как «тройки» при НКВД, печатали статьи, «разоблачающие» «врагов народа», создавали атмосферу массовой морально-психологической обстановки в республике. Авторы некоторых статей старались убедить читателей в том, что в Абхазии много скрытых врагов народа, что есть шпионы, диверсанты, бандиты.

Так, например, в известной статье «Беспощадно бороться с врагами народа» М. Делба утверждал, что все достижения за годы установления Советской власти в Абхазии «могли быть неизмеримо увеличены, если бы в Абхазии не подвизались фашистские агенты во главе с подлецким двурушником, апробированным бандитом Н. Лакоба»¹.

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. Сухум: Алашара, 1992. С. 428.

В числе «непосредственных троцкистских агентов Н. Лакоба названы лучшие представители интеллигенции Абхазии. Так, далее в статье читаем: «В настоящее время, когда абхазская партийная организация и органы НКВД с помощью Центрального Комитета КП (б) Грузии и лично тов. Берия разоблачили и громят эту свору троцкистов, отпечаток длительного вредительства в области социалистического строительства в Абхазии обнажается как в отношении промышленности и сельского хозяйства, так и в отношении народного образования. Это тем более становится ясным, когда даётся анализ действиям тех типов людей, которых, как своих непосредственных троцкистских агентов, держал бывший председатель ЦИК Абхазии Н. Лакоба. Все эти мелкие и крупные бандиты, как М. Чалмаз. Д. Кучулария, Б. Зантария, В. Ладария, М. Лакоба, Л. Киут, К. Инал-ипа, М. Гарцкия, приложили максимальное усилие к тому, чтобы повести дело к расстройству нашего колхозного строительства, к расстройству народного образования, всячески извращая мудрую ленинско-сталинскую национальную политику»¹. Основной удар статьи был направлен на наркомат просвещения Абхазии и его руководителей. Нарком по просвещению Б. Зантария оклеветан всякими нецензурными словами, как, например, «мерзопакостный», «разнужданный пошляк», «душевно и физически разложившийся дегенерат». Через каждую строку статьи прослеживалось только одна цель – скомпрометировать, очернить Лакоба и всю абхазскую интеллигенцию.

В другой же его статье от 3 октября 1937 г. под названием «Лицо буржуазного националиста» М. Делба вновь говорил о Б. Зантария, Д. Чагава и других абхазских деятелях, так называемых «буржуазных националистах», которые, якобы «стремились отторгнуть Абхазию от СССР, превратить её в колонию фашиз-

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. Сухум: Алашара, 1992. С. 428.

ма»¹. В статье говорилось: «Троцкистский мерзавец, буржуазный националист и вредитель Зантария под покровительством обербандинта Н. Лакоба на протяжении ряда лет проводил свою вредительскую политику на культурном фронте. Вредитель Зантария разоблачён... Однако новое руководство Наркомпроса в лице Чагава не оправдало доверия партии. Вместо укрепления культурного фронта Чагава встал на путь вредительства и подлого двурушничества. По существу, его гнусные деяния ничем не отличались от гнусных деяний его предшественника Зантария»².

В абхазском журнале «Апсны капши» за 1937 год говорилось: «Наша литература сегодня несёт большую ответственность. Враг старается внести в неё чуждые идеи, проводить вредную политику. В литературе также необходима бдительность. Из рядов абхазской литературы изгнаны враги народа: В. Агрба, Ш. Цвижба и др. Продолжительное время абхазскую организацию писателей возглавлял враг народа, буржуазный националист, презренный троцкист С. Чанба. Начиная со своих ранних произведений («Апсны Ханым», «Дева гор»), он выступил как гнилой буржуазный националист. Уже с этого презренного двурушника маска снята, он получил по заслугам»³.

Таким образом, везде находились «враги народа», и цель средств массовой информации заключалась в донесении «правдивой» информации о них до широкой общественности. Вот такую негативную роль сыграли тогда областные газеты и журналы. Следует отметить, что характерной особенностью проводимых в Абхазии репрессий был отъявленный шовинизм Берия, выразившийся в самых уродливых формах. Аресты в Абхазии начались с начала 1937 года, особенно они стали массовыми с середины 1937 года и продолжались до 1942 года.

¹ Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум, 1995. С. 429.

² Там же.

³ Там же. С. 9–10.

По неполным данным, с июля 1937 г. по ноябрь 1938 г. в маленькой Абхазии были репрессированы 2 186 человек: расстреляно 748, бесследно исчезли в тюрьмах – 377, многие нашли свой конец в лагерях¹.

По инициативе Берия с 30 октября по 3 ноября проходил сухумский процесс – единственное публичное судилище в Абхазии, организованное по примеру московских процессов. В эти дни 13 человек – М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, Д. Джергения, В. Лакоба, В. Ладария, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, М. Кишмария, С. Эбжноу, Х. Чанба, К. Ахуба – предстали перед бериевским судебным спектаклем Абхазии. Это были бывшие работники наркомов, партийных и советских органов. Десять из них были абхазы и трое – грек, армянин, грузин.

Процессом руководили председатель Верховного суда Абхазии Т. Антия, прокурор республики В. Шония и общественный обвинитель М. Делба². Они обвинялись в том, что якобы входили в «диверсионно-террористическую группу обербандинта Лакоба, готовившего покушение на вождя народов Сталина».

Так, из речи государственного обвинителя, прокурора Абхазской АССР В.Л. Шония читаем: «... Значение этого процесса выходит за пределы Абхазии. Сидящие здесь на скамье подсудимых лица, как это установлено, пускали свои грязные щупальца далеко за пределы Абхазии. Эта жалкая, презренная банда пыталась оборвать своими грязными руками прекрасную жизнь того, к кому обращены взоры трудящихся человечества. Эта же банда пыталась остановить сердце лучшего большевика, преданного делу партии Ленина, Сталина, руководителя большевиков Грузии. На скамье подсудимых сидят лица, маскировавшиеся под видом людей, преданных партии и занимающие ответственные посты. На самом же деле эти люди оказались ни-

¹ Дзидзария Г.А. Труды. Том 3. Сухум, 2006. С. 528.

² История Абхазии: учебное пособие. Гудаута, 1993. С. 346.

чтожными и морально растленными. Товарищи судьи, вы сами увидели, какую тошнотворную мразь они из себя представляют без маски. Предварительным судебным следствием доказано, что мы имеем дело с людьми, которые никогда ничего общего не имели с нашей партией. Воспользовавшись ходом исторических событий и очутившись у власти в рядах партии, проходимцы и авантюристы Н. Лакоба, М. Лакоба, В. Лакоба, Инал-ипа и Чалмаз перекрасились, замаскировались и в течение ряда лет безнаказанно творили здесь свои грязные дела. Теперь эти люди железной рукой пролетарской диктатуры разоблачены, маски с них сорваны...»¹.

Речь прокурора В.П. Шония поддержал общественный обвинитель М. Делба. Он заявил: «Подлые враги и предатели из шайки Н. Лакоба разоблачены и пойманы с поличным. Их надежды рухнули. Они разгромлены, и пролетарский суд отсечёт им грязные кровавые руки решительно и мгновенно. Славные органы диктатуры пролетариата – НКВД, руководимые сталинским посланцем тов. Ежовым, будут и впредь беспощадно громить, вылавливать и разоблачать врагов народа. Всякий кто попытается посягнуть на грозную мощь диктатуры пролетариата, на нерушимую твердыню победившего социализма, будет раздавлен. Смерть вам! Смерть! Проклятые фашистские выродки!»².

Так невинные люди становились врагами народа. Им был вынесен жесткий приговор – расстрел. В ночь на 4 ноября, накануне 20-летнего юбилея Октября, десять из тринадцати человек были расстреляны. По этому же делу проходили крестьяне-колхозники М. Кишмария, Х. Чанба и К. Ахуба, осужденные к длительным годам лишения свободы и с поражением в правах на пять лет каждого из них.

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сборник материалов. Сухум: Алашара, 1992. С. 433–434.

² Там же. С. 452.

После этого процесса аресты в Абхазии продолжались. Был осужден и расстрелян Ефрем Эшба – виднейший интеллигент, работавший председателем Ревкома, ЦИКа Абхазии, секретарем Чеченского обкома партии, а также служивший в таких странах, как Америка и Англия, на высоких постах.

В 1937 г. был расстрелян Николай Акиртава, который много личных усилий приложил в установлении Советской власти в Абхазии, избирался первым секретарем Абхазского обкома партии.

Бывший первый секретарь Абхазского обкома партии, затем председатель ЦИК Абхазии Алексей Агрба был расстрелян в 1938 году.

Не стало и любимца молодежи Абхазии – первого секретаря Абхазского обкома комсомола Платона Авидзба, имя которого осталось в народе как особого молодёжного деятеля, воплощавшего в себе деловитость и обаяние.

Подверглись террору лучшие представители абхазской научной и творческой интеллигенции. Не стало в 1937 году Самсона Чанба – выдающегося абхазского писателя и государственного деятеля. Он ещё в 1920 году публикует первое абхазское драматическое произведение «Махаджиры», посвящённое трагическому переселению абхазов в Турцию в 70-х годах XIX в., становится основоположником драматургии. Он известен и как большой мастер абхазской прозы, создавший бессмертные произведения «Сейдык» и поэму «Дева гор». С.Я. Чанба назначался председателем Союза писателей, наркомом по народному просвещению, председателем ЦИКа Абхазии. Не стало в 1937 году Леонтия Лабахуа, закончившего Сухумский педагогический техникум и институт, преподававшего абхазский язык и литературу в Блабурхской и других школах. Леонтий Лабахуа обладал высоким талантом поэта. Он внес вклад в абхазскую сатирическую поэзию, создав работы «Всемогущий Мазлоу», «Таково поведение вина», «Сон Бадры».

Была оборвана репрессией и жизнь Кондрата Дзидзария – директора абхазской образцовой школы им. Н.А. Лакоба, который много сделал для развития образования и музыкальной культуры абхазского народа.

Не стало одарённого представителя абхазской творческой интеллигенции Муты Кове – драматурга, танцора и солиста, который остался в памяти многих людей как воплощение таланта абхазского народа. Был уничтожен профессиональный кинематографист – абхаз Виктора Патейпа. Талантливый историк, преподаватель абхазской образцовой средней школы г. Сухума Пётр Брюховецкий 21 июня 1937 г. был осужден и с каторги не вернулся. Был расстрелян Шабат Гублия – видный просветитель, обладавший блестательным умом.

По уголовному делу № 251543 проходили активные борцы за Советскую власть И. Меладзе, Е. Шамба, Н. Матарадзе, Г. Робакидзе, Н. Возба и М. Амичба. Последние оба были расстреляны, а остальные чудом остались в живых¹.

Органами внутренних дел 13 июня 1937 г. был арестован Ардаш Шмаевич Ашхацава, член ВЛКСМ с 1922 г., член Коммунистической партии с 1928 г., бывший первый секретарь Абхазского обкома комсомола, в дальнейшем занимавший ряд ответственных должностей в партийных органах Абхазии. Постановлением заседания Тройки при НКВД Грузинской ССР от 13 ноября 1937 г. А.Ш. Ашхацава был вынесен смертный приговор. Постановлением Тройки НКВД ГССР 26 декабря 1937 г. Т. Абгадж был приговорен к расстрелу.

По представлению прокурора Абхазской АССР В. Шония органами НКВД 8 октября 1937 г. был арестован видный представитель абхазской интеллигенции, бывший секретарь Гуда-

¹ Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум, 1995. С. 20.

утского РК партии, зам. наркома просвещения, перед арестом работавший начальником Управления по делам искусств при ЦИК Абхазии, один из первых историографов Захар Сулейманович Агрба. Он обвинялся в том, что будто состоял в контрреволюционной буржуазно-националистической организации, возглавляемой председателем ЦИК Абхазии А.С. Агрба, которая, якобы ставила своей целью «свержение Советской власти в Абхазии и установление буржуазного капиталистического строя»¹. Постановлением Тройки 26 декабря 1937 г. З.С. Агрба вынесен смертный приговор. Этим же числом смертный приговор был вынесен В.Е. Хишба, Д.И. Чагава, В.И. Гвалия.

Тerror унес виднейших абхазских филологов Арсена Хашба и Владимира Кукба, которые вместе окончили Ленинградский Восточный институт и аспирантуру, став первыми абхазами – кандидатами филологических наук. А. Хашба и В. Кукба внесли большой вклад в развитие языкоznания. Так, в 1935 году была создана книга «Абхазские сказки», которая была издана под общей редакцией А. Хашба и В. Кукба. В период учебы в Ленинграде А. Хашба ездил на Северный Кавказ, где изучил абазинский, адыгский и кабардинский языки. А. Хашба сыграл немалую роль в создании письменности абазин, для чего он дал конкретные советы и предложения. В 1932 г. А. Хашба возглавил Абхазский научно-исследовательский институт краеведения, вскоре переименованный в Институт абхазской культуры (позже – Абхазский институт языка, литературы и истории)². Супруга Арсения Хашба вынуждена была покинуть Сухум и выехать в Среднюю Азию³.

¹ Хварцкая М.Ш. История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 45.

² Хашба А.М. Политический террор середины 30-40-х гг. и его цели. Труды АГУ. Ч. 2. Сухум, 2003. С. 135.

³ Там же. С. 136.

В. Кукба сочетал научную работу с общественной – назначался начальником отдела искусств ЦИК Абхазии, избирался вторым секретарем Абхазского обкома партии. Его супруга подверглась постоянной слежке и преследованиям.

Особо трагичной была судьба семьи Нестора Лакоба. Мать Нестора Лакоба – Шахусна Джергения-Лакоба была убита в 1937 г. во время допроса комиссара внутренних дел Абхазии Пачулия, а супруга Сария скончалась в Тбилисской тюрьме, в одиночной камере, куда нередко впускали змею, сын Нестора Лакоба по достижении совершеннолетия был расстрелян. Таков был «гуманизм» сталинской эпохи¹.

Грузинские шовинисты справились с видными юристами Абхазии. Были расстреляны Гудиса Тарба – прокурор Абхазии, Киамин Ардзинба – зам. председателя Верховного Суда Абхазии и Арзаабей Отырба – прокурор Гагрского района, Леонтий Тарба – начальник Гудаутского отделения НКВД, Николай Ко-коскерия – член Верховного Суда, Александр Агрба – начальник КГБ Очамчирского района.

Не стало и начальников отделов НКВД Абхазии Андрея Пилия и Спиро Арнаута. Был расстрелян и Тарасхан Гагулия – начальник УГРО Абхазии. Не стало и Владимира Патейпа – председателя Верховного Суда Абхазии, Максима Хварцкия – начальника Сухумской городской милиции Езата Аргун – начальника Гудаутской милиции, сотрудника этого же отделения милиции – Байрама Ахба.

Сталинские приспешники беспощадно уничтожили и руководителей сельсоветов и колхозов. Так, были уничтожены: З. Тарба – бывший председатель Лыхненского сельсовета, Меджит Ардзинба – бывший председатель колхоза «Дурипш», Махмед Ардзинба – бывший председатель Дурипшского сельсовета, Камшиш Авидзба – председатель Аацынского сельсовете-

¹ Там же. С. 134.

та, Азиз Авидзба – председатель колхоза «Аацы», Киамин Ахба – председатель Ачандарского сельсовета¹. Из села Адзюбжа из 35 жителей, фигурировавших в деле «Организаторы», 21 человек были приговорены к расстрелу. Это: Джанашия Борис – «руководитель контрреволюционной молодежной организации Сухумского района», Джанашия Арсен, Джанашия Сарпион, Джанашия Бессарион, Джанашия Астамур, Лагвилава Хванка, Жвания Ектил, Апицба Елизбар².

Репрессиям подвергались абхазские армяне и греки: А. Мамиконян, М. Ичмелян, У. Узунян, Ф. Анастасиади, Н. Делавери – один из первых советских ученых-греков Абхазии, работавший в 1933–1936 гг. директором Сухумского педагогического института. Не стало Константина Семерджиева, который избирался первым председателем Сухумского окружкома комсомола, был командиром ЧОН Гумистинского уезда, заместителем наркома юстиции.

Трудно написать обо всех абхазах, которые были уничтожены сталинским террором. На многих из них нет документов, следов их уничтожения.

Служебные места уничтоженных террором занимали группы.

За короткий промежуток времени абхазский народ лишился своей передовой части. Так, только по так называемым делам «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации Абхазии» и «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» в 1937–1938 гг. было репрессировано 3770 человек; из них было расстреляно 1748 человек³.

¹ Хварцкия М.Ш. История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 49.

² Маан О.В. Абжуда. Историко-этнологические очерки. Сухум, 2006. С. 179.

³ Хварцкия М.Ш. История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 51.

Бериеvские ставленники в Абхазии избрали два «лобных места», где они расстреливали невинных людей: район Дачи (Скурча) в Очамчырском районе и у впадения реки Гумиста в Чёрное море, на правом её берегу. Так, только в одну ночь 1938 года в песках реки Гумиста было зарыто 784 человека. Из этого числа более половины были абхазы. Таков был «гуманизм» сталинского периода. В 1938 году абхазские правительственные, хозяйственные, научные, образовательные и культурные учреждения были практически полностью очищены от этнических абхазов, а освободившиеся места занимали многочисленные переселенцы из Грузии.

Но, к сожалению, на этом репрессии в Абхазии не закончились. Как известно, в августе – сентябре 1941 г. на абхазскую интеллигенцию обрушилась вторая волна репрессий. Те немногие, кто уцелел в 1937–1938 гг. подверглись новым преследованиям.

В этот период были арестованы 20 человек (18 абхазов, 1 грузин, 1 немец). Вот их имена: Зосим Иосифович Кобахия, Владимир Мурзаканович Маргания, Зосим Васильевич Агрба, Симон Петрович Басария, Михаил Иванович Тарнава, Николай Соломонович Патейпа, Ражден Иванович Какуба, Виктор Дмитриевич Патейпа, Семён Гедлачевич Дбар, Пётр Григорьевич Хварцкия, Тарас Владимирович Маргания, Владимир Дмитриевич Патейпа, Калистрат Павлович Тарнава, Герасим Алексеевич Киласония, Карл Георгиевич Вебер, Антип Михайлович Марганадзе, Иван Семёнович Мушба, Константин Алексеевич Габлия, Платон Миронович Кутарба, Александр Мурзаканович Чачибая.

По заданию бывшего Наркома ВД Абхазской АССР Гагуа было сфабриковано новое дело под названием «О нелегальной контрреволюционной национал-социалистической организации в Абхазии». «Организатором» этой организации проходил З.И. Кобахия, вернувшийся только что из ссылки. С 13 по 18 ноября

1941 г. в Сухуме состоялась выездная сессия военной коллегии войск НКВД ГССР. Без участия сторон смертный приговор был вынесен С.П. Басария, З.И. Кобахия, С.Г. Дбар, В.М. Маргания и др. По сообщению следователя Надирашвили, приговор был приведен в исполнение 22 декабря 1941 года. Г. Килосония, К. Вебер, Р. Какубава, К. Тарнава получили по 10 лет тюремного заключения с поражением в правах, по 7 лет дали П. Кутарба, П. Хварцкия, А. Марганадзе и И. Мушба.

Однако данное постановление от 13-18 ноября 1941 г. в г. Тбилиси частично было пересмотрено Военным трибуналом войск НКВД ГССР 8-9 мая 1942 г., и С. Басария, К. Тарнава, К. Вебер, Г. Киласония, П. Хварцкия, П. Кутарба был вынесен смертный приговор, и он приведён в исполнение 23 июня 1942 года¹.

Таким образом, репрессивные практики сталинского режима привели к почти полному физическому уничтожению управлеченческой, хозяйственной и интеллектуальной элиты Абхазии. Однако, несмотря на развивавшуюся тотальную грузинизацию, абхазский народ сумел сохранить собственную этническую идентичность и вековые культурные традиции, обусловившие последующее возрождение независимой абхазской государственности.

¹ Сагария Б.Е. О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум, 1995. С. 23.

ПЕРЕВОД АБХАЗСКОГО АЛФАВИТА НА ГРУЗИНСКУЮ ГРАФИЧЕСКУЮ ОСНОВУ

Грузинская политика геноцида абхазов ярко проявлялось и в отношении к их языку. Грузины называли абхазский язык кухонным языком, а абхазскую письменность – «мнимой азбукой», тогда как абхазский язык является одним из древнейших языков в мире.

Абхазская письменность возникла в 60-х годах XIX столетия. В это время русский генерал и кавказовед П.К Услар – первый автор грамматики абхазского языка, основоположник абхазской письменности – в 1862 году применил к абхазскому языку русский алфавит, дополнив его несколькими недостающими буквенными начертаниями¹.

В 1892 г. данный алфавит был усовершенствован народным поэтом Абхазии Д.И. Гулиа и К.Д. Мачавариани на основе русской графики.

Говоря о дореволюционной абхазской письменности, следует упомянуть и алфавит С.М. Ашхацава, составленный в 1906 году в г. Юрьеве при содействии проф. Мазинга. Алфавит этот состоял из 27 знаков и охватывал все фонемы бзыбского диалекта абхазского языка. На этом алфавите Бзыбским комитетом Общества распространения просвещения среди абхазцев в 1913–1914 гг. было записано и переслано в Петроград академику Н.Я. Марру около 100 абхазских сказок. Этим и ограничилось практическое применение алфавита Ашхацава.

Следует отметить, что дореволюционная абхазская письменность создала некоторые предпосылки для распространения

¹ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1960. С. 80.

грамотности среди населения и закладки основы абхазской художественной литературы. Так, в 90-х годах XIX столетия и в первом десятилетии XX века происходит формирование немногочисленной группы абхазской трудовой интеллигенции, которая энергично взялась за дело народного просвещения. Первые абхазские педагоги: Ф.Х. Эшба, Д.И. Гулиа, А.М. Чочуа, А.И. Чукбар, С.Я. Чанба, Д.Т. Маан, Н.С. Патейпа и др. много труда вложили в развитие абхазской письменной речи ещё в дореволюционные годы.

В первое десятилетие существования ССР Абхазия добивается экономического и культурного развития. Изменяется общественная функция абхазского письменного языка, происходит расширение сферы его применения, вызванное введением всеобщего обучения и преподавания в школе на родном языке, появлением национальной периодической печати, увеличением удельного веса абхазской художественной литературы и книгоиздательского дела.

Языковая политика советского государства подготавливала почву для процессов троякового рода: во-первых, создавались условия для ускоренного развития функционально-отсталых в прошлом языков; во-вторых, расширялись предпосылки для усиления языковых контактов и языковых взаимодействий; в-третьих, создавались условия для дальнейшей языковой консолидации этнических общностей на новой социалистической основе¹.

Совершенствование абхазского алфавита, организация Академии абхазского языка и литературы, а затем Абхазского научно-исследовательского института, подготовка национальных кадров учёных-филологов, создание орфографического, терминологического, общественно-политического, русско-абхазского словарей, исследование ряда важных проблем абхазского языка,

¹ Бгажба Х.С. Труды. Кн. 1. Сухуми, 1987. С. 26.

развитие абхазской литературы и национального профессионального искусства, перевод делопроизводства на родной язык, создание национальной школы, учебных пособий, периодической печати и радио, подготовка специалистов высшей квалификации на специальных факультетах Сухумского государственного педагогического института им. А.М. Горького явились мероприятиями огромной социальной, культурной значимости, направленными на развитие, обогащение и усовершенствование абхазского языка¹.

Однако было бы неверно представлять себе, что в развитии абхазской письменности за годы Советской власти не было никаких помех и трудностей. Это – прежде всего частая смена алфавита. С 1926 года по 1954 год абхазское письмо менялось четыре раза. Так, в 1926 г. был отменён прежний абхазский алфавит, составленный на русской графической основе, и был введён новый алфавит, разработанный на основе латинской графики акад. Н.Я. Марром и именуемый им «аналитический» или «яфетидологическим». Но алфавит Н.Я. Марра имел большие неудобства и на практике не получил широкого применения.

В 1928 году по поручению Наркомпроса Абхазии профессором Н.Ф. Яковлевым был составлен новый латинизированный абхазский алфавит, близкий адыгейскому и абазинскому алфавитам, хотя в них наличествовали довольно значительные различия. В 1933 году для упрощения алфавита были изъяты заглавные буквы.

В школьную практику этот алфавит был введен с 1929 года, и им пользовались до 1938 года. Но с 1937 года ситуация коренным образом изменилась не в пользу абхазов.

В своё время К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Язык также древен, как и сознание...». Об этом прекрасно знали и грузины

¹ История Абхазской АССР. 1917–1937 гг. Сухуми, 1983. С. 379.

во главе со Сталиным и Берия, и чтобы лишить абхазов этого сознания и исторической и духовной сокровищницы – абхазского языка, отражающей историческое прошлое и жизненный опыт абхазского народа, под их наjjимом начитается «свертывание» абхазского языка. Одним из первых направлений в этой деятельности стал перевод абхазского алфавита на грузинскую графическую основу. Этим предполагалось облегчить изучение абхазами грузинского языка.

Так, в 1937 году Абхазская областная конференция КП(б) Грузии вынесла решение разработать новый абхазский алфавит на основе грузинской графики. К этому делу были привлечены известные грузинские учёные А. Шанидзе, А. Чикобава, С. Джанашия, В. Топурия, а также деятели абхазской культуры Д. Гулиа, А. Чочуа, А. Хашба, Д. Чагава, З. Агрба. Работой комиссии руководил секретарь ЦК КП Грузии П. Шария. В декабре того же 1937 года в Абхазском научно-исследовательском институте было создано специальное совещание для рассмотрения проектов нового абхазского алфавита. К обсуждению были представлены проекты А.Г. Шанидзе, С.Н. Джанашия и Д.И. Гулиа, которые исходили из принципа изображения дополнительных абхазских звуков с помощью служебных знаков, и проект М.Л. Хашба, А.М. Чочуа и др., основанный на приближении к принципу создания, особых начертаний для каждого звука. Был принят сводный проект, в основу которого легли проекты Д.И. Гулиа, А. Г. Шанидзе и С.Н. Джанашия¹.

Здесь следует отметить, что директор Абхазского института в 1937 г. Арсен Хашба и его работники отнеслись резко отрицательно к переводу с латинского на грузинскую основу абхазского алфавита. Арсен Хашба входил в так называемый комитет нового латинизированного алфавита, который возглавил сначала

¹ Бгажба Х.С. Труды. Кн. 1. Сухуми, 1987. С. 28.

ла Н. Лакоба, а позже нарком просвещения, затем репрессированный Б. Зантария¹.

Но, несмотря на все протесты, абхазы лишились своего абхазского алфавита. Новый алфавит, созданный комиссией, был утвержден ЦИК Абхазии в 1938 году, в том же году был издан учебник «Грузинский язык для абхазских школ (первый год обучения)». Принятый новый алфавит широко пропагандировался. Чтобы убедить население республики в его «добротности», показывали, что азбука Услара носила русификаторский характер, а новый алфавит сыграет большую роль в переводе обучения абхазских школ на грузинский язык, что он приведет к увязке алфавита с орфографией и полного соответствия с языком, с полиграфией, облегчит и укрепит усвоение алфавита массой трудящихся абхазов и будет способствовать снижению неграмотности.

Так, работа по проведению мероприятий внедрения алфавита всё более расширялась. Абхазский язык всё явственнее начал притесняться. Эта политика преследовала далеко идущие цели. Это обстоятельство выявило время: за переводом абхазского алфавита на грузинскую графическую основу последовало и закрытие абхазских школ.

¹ Лакоба С.З. Арсен Хашба – в документах сталинских спецслужб. Абхазоведение. Вып. 1. Сухум, 2007. С. 136.

ЗАКРЫТИЕ АБХАЗСКИХ ШКОЛ

С 1944 года по указанию первого секретаря обкома партии А. Мгеладзе была начата работа по ликвидации абхазских школ. Активно реализовывал все поручения Мгеладзе по данному вопросу секретарь обкома И. Тускадзе по пропаганде.

Этот преступный акт осуществлялся после тщательной подготовки и выдавался как прогрессивное и полезное для абхазского народа мероприятие. В подготовку и проведение этого антинародного акта были вовлечены партийные и советские органы Абхазии. Они поддерживали и проводили на практике все предложения Тбилиси по данному вопросу.

В абхазский обком партии была приглашена группа представителей абхазской педагогической интеллигенции – А. Маргания, Б. Кация, Н. Герия, С. Ашванба, М. Буава. Им было поручено подготовить предложения по переводу абхазских школ на грузинский язык обучения. Под нажимом «сверху» указанные лица представили вскоре свои предложения. Так, они вынуждены были писать, что система обучения, сложившаяся с первых лет советской власти, тормозит развитие абхазской национальной культуры; обучение в абхазских школах сначала на родном языке, а с 4-го класса на русском языке мешает учащимся получить необходимые знания и после окончания средней школы они не могут поступать в высшие учебные заведения¹.

В Постановлении бюро обкома от 1 января 1945 г. говорилось: «По предложению А. Мгеладзе, И. Тускадзе, Г. Карчава

¹ Сагария Б.Е. О «белых» и «черных» пятнах в истории Абхазии. Гагра, 1993. С. 16.

бюро обкома решило создать комиссию в следующем составе: Делба М. (пред. комиссии), Сигуа С. (наркомпрос Абх. АССР), Хубутия Ш. (зав. шк. отд. Обкомпартии), Чочуа А. (дир. Абх. инст.), Тускадзе И. (секр. обкома). Комиссии было поручено в месячный срок разработать и представить на утверждение бюро Абх. обкома партии мероприятия по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазии»¹.

Комиссия в установленный срок предоставила свою докладную записку обкому партии. В ней говорится: «Комиссия, выделенная решением бюро Абхазского обкома КП (б) Грузии от 9 января 1945 г. для разработки мероприятий по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР, проверив ряд школ и ознакомившись с соответствующими материалами, характеризующими учебно-воспитательную работу в абхазских школах, а также с заявлениями, поступившими в Обком КП (б) Грузии от работников народного образования, находит, что условия обучения в абхазских школах резко отличаются от условий работы других школ республики.

В Абхазской АССР имеются всего 417 школ, в том числе абхазских – 81.

Всего учащихся 51 745, в том числе абхазов – 9 179. Обучение в начальных классах абхазских школ ведётся на абхазском языке, а начиная с 5 класса – на русском языке.

В связи с переводом обучения на русский язык учащиеся абхазских школ встречают большие затруднения из-за незнания языка обучения. Слабо ведётся русский язык, или, вовсе не владея им, учащиеся не понимают объяснения учителя и тексты учебников, по которым занимаются, плохо усваивают изучаемый материал и сильно отстают. Исходя из вышеизложенного, комиссия считает дальнейшее отставание существующей системы обучения абхазских школ нецелесообразным и противоре-

¹ Абхазия: документы свидетельствуют 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 418.

чащим постановлениям партии и правительства об улучшении качества учебно-воспитательной работы в школе.

Перевод абхазских школ на родной язык обучения не представляется возможным и является нецелесообразным.

Знание грузинского языка значительной частью абхазского населения, лексическое сходство грузинского и абхазского языков, единый алфавит диктуют необходимость перевода обучения в абхазских школах на грузинский язык...

Перевод обучения в абхазских школах на грузинский язык явится большим стимулом в деле ещё более успешного развития культуры абхазского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Исходя из вышеизложенного, комиссия считает необходимым и целесообразным перевести с 1945–1946 учебного года обучение в абхазских школах на грузинский язык.

В учебных планах реорганизованных абхазских школ необходимо оставить как обязательный предмет преподавания абхазский язык и литературу¹.

13 марта 1945 года обком партии принял Постановление «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР». В нём говорилось:

«1. С целью улучшения качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР, подготовки квалифицированных кадров из числа абхазов и идя навстречу пожеланиям широких масс абхазской интеллигенции, самих учащихся и их родителей, отменить существующую систему обучения в абхазских школах.

2. Учитывая наличие общего алфавита и лексическое сходство грузинского и абхазского языков, а также знание значительной частью абхазского населения грузинского языка, материальной и духовной культуры родственных грузинского и

¹ Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 484–485.

абхазского народа, перевести обучение в абхазских школах с 1945–1946 учебного года на грузинский язык. Просить ЦК КП (б) Грузии утвердить перевод обучения в абхазских школах на грузинский язык.

3. В учебных планах реорганизуемых абхазских школ на грузинский язык оставить как обязательный предмет преподавания абхазского языка и литературы.

4. Поручить Наркомпросу Абхазской АССР разработать подробный план перевода обучения в абхазских школах на грузинский язык и представить его в Абхазский обком КП (б) Грузии к 1 апреля 1945 года.

5. Просить ЦК КП (б) Грузии обязать Наркомпрос Грузинской ССР обеспечить реорганизуемые школы Абхазской АССР квалифицированными педагогическими кадрами, а также всеми необходимыми учебниками и учебно-наглядными пособиями.

6. Обязать горкомы и райкомы КП (б) Грузии разъяснить населению огромное культурно-политическое значение перевода обучения в абхазских школах на грузинский язык»¹.

Постановление Абхазского обкома партии о реорганизации абхазских школ в Абхазии 13 марта 1945 года рассмотрел ЦК КП Грузии и утвердил его как программное и инициативное постановление.

Так, в 1945–1946 учебном году абхазские школы были реорганизованы, т.е. обучение в абхазских школах было переведено на грузинский язык.

Согласно постановлению ЦК КП (б) Грузии от 12 июня 1945 года в 1945/46 учебном году в начальных классах абхазских школ, т.е. с I по IV классы обучение было переведено на грузинский язык, а с 1946/47 учебного года грузинский язык становится языком обучения абхазских средних школ. Абхазский

¹ Абхазия: документы свидетельствуют 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 484–485.

язык сохранён в учебных планах лишь как один из предметов изучения¹.

Так, в 1946–1947 учебном году абхазский язык и литература во 2 классе проходили как предмет, а в 1 классе уже и как предмет не преподавались. Абхазское педагогическое училище, открытое в 1915 году, которое в основном выпускало преподавателей для начальных и неполных средних абхазских школ, в связи с общей реорганизацией абхазских школ было слито с грузинским педучилищем, при котором оно было оставлено как абхазский сектор, но и этот последний был ликвидирован в 1947 году. Ещё с 1941 года было прекращено преподавание абхазского языка и литературы как дисциплины абхазским студентам Сухумского педагогического института².

В 1942 г. абхазская средняя школа в городе Сухум была закрыта. В её помещениях была открыта грузинская средняя школа, которая функционировала тут до 1953–1954 учебного года. Так, за короткий промежуток времени все абхазские школы были закрыты в Очамчырском, Гудаутском, Сухумском, Гагрском и других районах.

Таким образом, грузины, упразднив абхазские школы, ввели в них преподавание по всем предметам на грузинском языке. В результате многие абхазские дети, не владевшие этим языком, оказались вне школы³.

Закрытие абхазских школ привело к тому, что абхазы лишились возможности получать образование на родном языке в начальной школе, в перспективе полное среднее и в обозримом будущем – высшее. Более того, сократилось число школ

¹ Кураскуа В.Б. Абхазская национальная школа (1921–1958). Сухум, 2003. С. 102–103.

² Хварцкия М. История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 24.

³ Кураскуа В.Б. Абхазская национальная школа (1921–1958). Сухум, 2003. С. 103.

в районах с преобладанием абхазского населения, что было в значительной мере обусловлено нехваткой учительских кадров, владеющих грузинским языком, а абхазские учителя, за редким исключением, не владели грузинским языком, и по этой причине вынуждены были оставить педагогическую работу. В результате «реорганизации» абхазских школ более 220 учителей были освобождены от работы. Взамен привлекались кадры, в основном из Грузии, зачастую без специального образования и, конечно, без знания родного языка учащихся – абхазцев.

Следует отметить, что обучение абхазскому языку и литературе в реорганизованных школах было поставлено неудовлетворительно. Главная причина заключалась в уменьшении количества учебных часов на абхазский язык.

Обследование состояния учебной работы в «реорганизованных» школах показало значительное ухудшение знания учащихся, так как дети 1-4 классов вынуждены были нередко заучивать наизусть учебный материал на малознакомом им грузинском языке. Что же касается перевода обучения с русского на грузинский язык в 5-8 классах, то это отрицательно сказалось и на воспитательной работе школ, поскольку идейное содержание учебного материала по таким предметам, как история, литература, география, конституция, часто не могло быть осмысленно учащимися из-за невладения грузинским языком.

После реорганизации ухудшилось положение с подготовкой и переподготовкой учителей абхазского языка и литературы. В 1945 году Сухумское абхазское педучилище было слито с грузинским, при котором был только один класс для подготовки преподавателей абхазского языка и литературы, причём и на этом курсе обучение велось на грузинском языке, а абхазский язык изучался как предмет. Приказом Наркома просвещения Абхазии от 25 июля 1945 г. были открыты грузинские педучилища в Гагре, Гудауте и в Очамчире, из них только в Гудаутском

педучилище был введён абхазский язык как отдельный предмет изучения, и это тогда, когда большинство школ Абхазии нуждалось в учителях абхазского языка и литературы.

Абхазский народ выражал своё недовольство. Так, нарсудья Абухба Фират говорил: «...нелепо это введение преподавания грузинского языка. Эта методика ничем неоправданная. Ведь преподавать на непонятном языке – это антипедагогический подход. Этим только избивают детей...»¹.

Пом. Прокурора Гудаутского района Таркил заявил: «...В деревнях массовое недовольство в связи с введением обучения на грузинском языке...»². И действительно, своё категорическое недовольство выражали абхазские крестьяне. Они не пускали в школы своих детей, мотивируя это тем, что изучение грузинского языка ничего не даст.

Следует отметить, что во всех государственных учреждениях, в делопроизводстве господствующее положение занял грузинский язык. Из государственных учреждений, министерств и ведомств изгонялись специалисты любых национальностей, в том числе абхазы и русские, не владевшие грузинским языком. Абхазский язык был доведен до положения языка домашнего обихода. Ещё с 1940 года запрещалось говорить «абхазский народ», отмечать день установления Советской власти 4 марта³.

Запрещение абхазского языка пагубно сказалось на абхазской писательской организации. Писатели-абхазы, создавшие произведения на родном языке, могли издать их только на грузинском языке. Запрещалось говорить «Союз писателей Абхазии». Разрешалось только говорить: «Грузинская группа абхазских писателей». Так, в 40–50-х годах сложилось мнение в руководящих кругах республики, что в Абхазии нет абхазской литературы,

¹ Лакоба С.З. Тайна «Зелёной папки». Ч. 1. Сухум, 1996. С. 9.

² Там же. С. 8–9.

³ Хварцкая М. История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. С. 67.

есть только грузинская. Союз писателей Абхазии не мог работать нормально¹. С 1941 года была прекращена местная радиопередача на абхазском языке, передачи возобновились главным образом на грузинском языке.

В июне 1946 года Совет Министров Абхазии принял постановление относительно того, чтобы даже «вывески государственных учреждений, организаций, промышленных и торговых организаций писать только на грузинском и русском языках. Вслед за этим по всей Абазии были сняты вывески с абхазскими надписями. А между тем, в печати было сделано сообщение, что замена вывесок производится якобы ввиду их неудовлетворительного внешнего оформления².

На круглых печатиях учреждений было запрещено делать надписи на абхазском языке. Абхазские научные и творческие кадры подверглись различным гонениям и наказаниям за создание правдивых произведений по истории и культуре Абхазии.

Так, например, Абхазский научно-исследовательский институт им. акад. Н.Я. Марра Академии наук Грузинской ССР с 1940 г. ничего не издавал, хотя имелись значительные научные исследования по истории и языку абхазцев, и вопрос об их издании институтом неоднократно ставился. Сухумский госпединститут за это время выпустил три сборника. Однако статьи по истории Абхазии согласно указанию обкома партии были исключены из первого и последнего выпусков³.

Так, за короткий промежуток времени абхазцы лишились своих прав. Это было связано с тем, что «в руководящие партийные и советские органы Абхазской АССР очень слабо привлекались

¹ Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов / Сост. И. Марыхуба. Т. 1. Сухум, 1994. С. 84.

² Абхазия: Документы свидетельствуют 1937–1953 гг. Сухум, 1992. С. 533–534.

³ Дзидзария Г.А. Труды. Т. 3. Сухум, 2006. С. 470.

местные работники из абхазцев. Среди первых и вторых секретарей и секретаря по кадрам Абхазского обкома партии, председателя Совета Министров Абхазской АССР, первых секретарей и секретарей по кадрам райкомов партии, Министерства просвещения, секретарей Абхазского обкома и первых секретарей райкомов комсомола и т.д. не было ни одного абхазца¹. Несмотря на эти дискриминационные шаги по отношению к абхазскому языку, абхазский народ продолжал бороться за свои права. Абхазская интеллигенция развернула широкую борьбу против закрытия абхазских школ и боролась против искривления национальной политики во всех сферах абхазской жизни. Один из примеров тому – «Абхазское письмо 1947 года», написанное и подписанное Г.А. Дзидзария, Б. В. Шинкуба и К.С. Шакрыл. Письмо было адресовано секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Кузнецовой. В письме говорилось о грубых нарушениях прав абхазского народа в области политики, просвещения и печати, в культурной сфере и даже в элементарных правах человека². Но, к сожалению, это письмо не получило должного отклика. Более того, авторы были обвинены в «дезинформации» и подверглись гонениям. Но, несмотря на это, абхазский народ продолжал стойко сопротивляться и в последующие годы.

Таким образом, предпринятая в первые послевоенные годы реорганизация абхазской школы под видом её укрепления и улучшения учебно-воспитательной работы на деле привела к противоположным результатам – снизила качество образования и воспитания детей коренной национальности, подорвала устои развития культуры абхазского народа, обрекла его на утрату национальной самобытности³.

¹ Дзидзария Г.А. Труды. Т. 3. Сухум, 2006. С. 469.

² Абхазские письма (1947–1989). Сборник документов / Сост. И. Марыхуба. Т. 1. Сухум, 1994. С. 81–86.

³ Кураскуа В.Б. Абхазская национальная школа (1921–1958). Сухум, 2003. С. 27.

Фактическое закрытие абхазских школ грузинской метрополией означало проведение культурно-национального геноцида абхазского народа. Только после смерти Сталина и разоблачения Берия абхазские школы были восстановлены.

ВОЕННОЕ ДЕЛО У АБХАЗОВ В XVIII–XIX ВВ.

На развитие истории отдельно взятого народа или государства, оказывают влияние различные факторы: географическое положение, окружающая среда, особенности экологической ниши, внешние связи, межкультурные отношения и др. Так или иначе они воздействуют на становление культуры, быта, обычая, традиций, мировоззрения, этнопсихологии народа.

Абхазия находится на стыке двух миров – Запада и Востока. Издревле этот регион в силу своего географического расположения был местом средоточия интересов великих держав. Это обстоятельство наложило отпечаток на историю абхазов в целом.

В силу определенных обстоятельств весь быт абхазов был построен на военизированных традициях. Свидетелями тому являются как обычаи, мифология, устное народное творчество, героические песни народа, так и сообщения путешественников, историков и исследователей, начиная еще с эпохи ранней античности.

Военную культуру правомерно выделить как особую подсистему в рамках традиционной культуры абхазов. Это понятие включает в себя такие составляющие, как военный быт, комплекс представлений о войне и культура войны, традиционные общественные институты (наездничество, абречество, атальчество), различные аспекты военного искусства, вооружение и амуниция воинов, одежда, походная пища и некоторые другие.

Исследователи в области военной антропологии считают, что военная культура представляет собой совокупность цен-

ностных ориентиров, ментальных установок, морально-психологических качеств, механизмов их воспитания и стереотипов поведения.

На формирование и эволюцию традиционной военной культуры абхазов оказали влияние совокупность множества факторов. На наш взгляд, среди них следует выделить:

- природно-географический фактор;
- экономический;
- особенности традиционной культуры;
- психологический;
- социально-политический;
- внешнеполитический.

Военное дело абхазов XVIII–XIX вв. мало изучено, если не сказать большего. Ощущается скучность архивного материала и трудности другого порядка. Но вместе с тем в различных письменных источниках описанного периода упоминаются: абхазские войска, виды вооружения абхазов, их боевые корабли и т.д. Анализируя эти источники, можно прийти к выводу о том, что абхазские войска были довольно многочисленны и укомплектованы хорошо.

Состав и организация военных сил определяются социально-политическим развитием и экономическими возможностями страны. Военные силы абхазов в XVIII – XIX вв. составляли:

- пехота;
- конница;
- военно-морские силы.

Система воспитания. Во все времена у абхазов была высока степень актуальности воспитания будущих защитников отечества. В системе народного воспитания абхазов большое место занимала физическая подготовка подрастающего поколения.

В абхазской народной педагогике физическое совершенство детей рассматривалось как одно из условий трудового воспи-

тания. Трудовое воспитание должно было решить задачу физической закалки молодого поколения. Следовательно, вопросы физического и трудового воспитания были взаимосвязаны и взаимообусловлены¹.

Задачей физического воспитания детей у абхазов являлась не только подготовка трудоспособных людей, будущих защитников родины, но и выработка у молодого поколения морально-волевых качеств: решительности, смелости, отваги, самообладания².

Физическое воспитание детей у абхазов условно делилось на два периода. Первый период начинался с момента рождения ребенка и продолжался до 7-8-летнего возраста. Задачей первого этапа являлось закладывание основ правильного общефизического развития, закаливание детского организма, привития детям двигательных навыков. Мальчики сразу же включались в игры военно-оборонительного и военно-наступательного характера, которые особенно поощрялись взрослыми. В качестве игрушек для них изготавливались лук и стрела, деревянная сабля, деревянный конь, а с появлением огнестрельного оружия – пистолет и ружье, т. е. всё то, что было необходимо будущему воину³.

Второй этап физического воспитания детей у абхазов начинался с 7-8-летнего возраста и продолжался до 15-16 лет. Как известно, князья и дворяне своих детей с раннего детства отдавали на воспитание крестьянам. Поэтому детей обучали военному искусству одинаково, независимо от социальной принадлежности. Воспитание и обучение ребенка у воспитателей носило

¹ Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000. С. 94.

² Индгия Д.Д. К вопросу воинского воспитания детей у абхазов // Вторые Международные иналиповские чтения. Сухум, 2016. С. 162.

³ Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000. С. 84.

тщательный, разносторонний и, вместе с тем, суровый характер. Если в раннем возрасте мальчика переносили на жесткую, войлочную постель, давали ему «коня», снабжали «оружием», то с 8-10 лет мальчики начинали принимать участие в скачках, в 12-13 лет им уже разрешали совершать верхом на коне длительные поездки, так как выработка умения хорошо управлять лошадью входила существенным элементом в программу абхазского воспитания. При этом первостепенное значение придавалось выработке смелости. Поэтому чтобы мальчики не боялись лошадей, их уже с 4-5 лет сажали на лошадь и водили по двору. Достигнув совершеннолетия, воспитанник принимал участие в походах, где можно было проверить качества, полученные при воспитании.

Немалое место в воспитании мальчиков занимало обучение их умелому владению оружием: луком и стрелами, самострелом, кинжалом, пистолетом. Интерес к оружию мальчикам прививали с самого раннего детства. Как было уже сказано, при обучении использовались специальное «детское» оружие: деревянный меч, щит, лук и стрелы. Затем уже к 10-12 годам мальчиков постепенно обучали владению холодным и огнестрельным оружием. И уже к совершеннолетию юношам выдавали полный комплект мужской одежды с оружием: кинжалом и пистолетом, которые считались обязательным атрибутом мужского национального костюма¹.

Даже девушки обучались владеть холодным и огнестрельным оружием, уметь стрелять и попадать в цель, управлять буйной лошадью, привыкать к самой бешеной скачке, так как абхазы, отправляясь на войну, часто оставляли свои семьи на продолжительное время, и женщина должна была защитить себя и своих детей в случае какого-либо нападения. По это-

¹ Дбар С.А. Обычаи и обряды детского цикла у абхазов. Сухум, 2000. С. 104.

му поводу Константин Мачавариани писал: «В случае нужды, они являлись такими же образцовыми наездниками, как и их мужья»¹.

Старшие мужчины в семье показывали подросткам 10-12 лет, как разряжать, как правильно держать ружье, как прицеливаться, как стрелять. С возрастом виды стрельбы усложнялись, и мальчики 14-15 лет начинали принимать участие в стрельбе в цель из огнестрельного оружия. Стрельба в цель была очень популярной. Мишенью для стрельбы служил какой-нибудь предмет, который устанавливался на высоком столбе. В качестве мишени использовали тарелки, подбрасываемые в воздух, а во время Пасхи – крашеные яйца, в которые стреляли со ста шагов. Попавшие в цель получали призы.

Средствами выработки навыков, необходимых для воина, были охота, широко распространенная в абхазском быту, а также военно-физические упражнения и игры: бег, прыжки, метание тяжестей, стрельба в цель, игра в мяч, плавание, конные состязания и др. Физической закалке придавалось огромное значение и посвящалось все свободное время².

Пехота и конница. В феодальной Абхазии не было постоянных вооруженных сил, за исключением немногочисленных дружин владельца и крупных феодалов. Здесь действовала формула – народ-воин, воин-народ. Поэтому в ополчении, призываемом в случае надобности, выходили представители всех основных слоев общества. Это давало возможность правителям Абхазии собирать довольно крупные силы по сравнению с общим количеством населения. Так, по некоторым данным в 10-20-х годах XIX века численность абхазского ополчения простиралась до 12 тысяч человек, «а при полном и всеобщем содействии цебель-

¹ Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу с историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913. С. 323.

² Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 498.

динцев и самурзаканцев – до 20 тысяч»¹. Вероятно, в данном случае речь идет о численности всего боеспособного населения, а не о тех отрядах, которые можно было вывести в поле одновременно, для действий на одном направлении. Это подтверждают и данные из описания Абхазии 1831 года, где фигурирует близкая цифра («Судя по числу дворов и положа со двора по два человека, можно считать вооруженных около 17 500 душ»). Мобилизация бывала полной или частичной в зависимости от целей кампании, ее продолжительности и расстояния до главного театра боевых действий².

Вопросы военной организации Абхазского княжества мало освещены в источниках. Но известно, что абхазское войско состояло из пехоты и конницы и разделялось на организационные единицы – амцахара (примерный перевод: «родовые огни»)³. Они выступали под отдельными значками и знаменами. Существовало также общеабхазское «народное» знамя, представлявшее собой красное полотнище с вышитой на нем шашкой. Особые значки имели также владетель и княжеские кланы. Выбор знаменосца не мог быть делом случая. Во время сухумского сражения (восстание 1866 года) владетельское знамя держал дворянин Беслангур Мканба, а «народное» знамя – крестьянин гумской общины Джирга Аюдзба⁴.

Князья и дворяне вместе с примыкавшими к ним ашнаками составляли ядро вооруженной организации. Большинство крестьян (особенно анхаю) также владели оружием и должны были являться на зов феодала. Если крестьянин не отправлялся в поход, он определял продукты питания и дру-

¹ Анчабадзе Г.З. Военное дело в Абхазии (вторая половина XVIII – 70-е годы XIX века). // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2020. С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухуми, 1965. С. 417.

⁴ Дзидзария Г.А. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955. С. 158.

гие необходимые предметы для войска¹. На население ряда пограничных общин, подвергавшихся нападениям извне, лежала преимущественная обязанность защищать территорию княжества, за что они освобождались от ряда других повинностей. Например, в рассматриваемое время главной обязанностью жителей селения Гум, Сухумского (Гумского) округа, расположенного в соседстве с обществом Псху, была защита края от партий горцев, спускавшихся в прибрежные районы с целью грабежа².

Вооружение. Оружие у абхазов, как у большинства кавказцев, являлось атрибутом национального костюма, и люди с детства привыкали к нему. В рассматриваемое время на вполне вооруженном абхазе можно было увидеть:

- кремневую винтовку в войлочном или меховом чехле;
- один или два пистолета в кобуре или заткнутыми за пояс;
- кинжал и шашку (или кривую саблю);
- абхазский нож в ножнах;
- лук и стрелы;
- дротики.

Носимый боезапас размещался на груди, в специальных кармашках для патронов (газырях) и в дополнительном кожаном патронташе. В газырях находилась также деревянная трубочка, содержащая восковую свечу, а также пропитанную серой тряпочку и кусочки смолистой сосны для разведения огня. Кроме того, на поясе или через плечо носились пороховница, сумочки для хранения пуль, кремня, жирничка (металлическая коробка с просаленной тряпкой для чистки оружия), стальная отвертка для мелкого ремонта, служащая

¹ Дзидзария Г.А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958. С. 277.

² Анчабадзе Г.З. Военное дело в Абхазии (вторая половина XVIII – 70-е годы XIX века) // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2020. С. 74.

одновременно огнivом, и другие предметы походного снаряжения¹. Подобным образом мужчины снаряжались не только на войну, но и повседневно, «чтобы в случае нападения врага или хищника, ударом отразить удар»². Уважающие себя люди никогда не появлялись в общественном собрании без оружия. В первой половине XIX века под черкесской иногда еще носили стальную кольчугу.

В известиях европейских авторов XIX века, в частности у Г. Клапрота, читаем: «Лучшие кольчуги доставляются из Кубачи в Дагестане, но говорят, что особенно хорошие кольчуги изготавливаются только в землях абхазов у Черного моря»³. И. Бларамберг повторяет то же самое: «кольчуги очень хорошего качества производятся также в Абхазии»⁴. Все вышеперечисленные виды боевого снаряжения производились в Абхазии, хотя многие имели также привозное оружие⁵.

Известно, что внутри Сухумской крепости располагался военный арсенал владельца Келешбека. В нем хранились вооружение и амуниция для абхазских воинов. Лейтенант Скирневский Ф.Я. воочию видел этот арсенал в 1807 г.: «...Был я в арсенале, где хранятся луки, стрелы, ружья, пистолеты, палаши, кинжалы и дротики, бурки, кафтаны серые и шапки, все лежит в кучах не разобрано; хранитель арсенала сказал, что оружием, видимым укомплектовать может пять тысяч человек...»⁶.

¹ Анчабадзе Г.З. Военное дело в Абхазии (вторая половина XVIII – 70-е годы XIX века) // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2020. С. 75–76.

² Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. 2. СПб., 1847. С. 201.

³ Бгажба О.Х. По следам кузнеца Айнара. Сухуми, 1982. С. 40.

⁴ Там же.

⁵ Анчабадзе Г.З. Военное дело в Абхазии (вторая половина XVIII – 70-е годы XIX века) // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию З.В. Анчабадзе. Сухум, 2020. С. 76.

⁶ Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX века (1762–1859). Сборник документальных материалов. Т. 2. Сухум, 2011. С. 46.

Средством усиления пехоты являлась артиллерия. Источники второй половины XVIII и начала XIX века упоминают о наличии пушек в абхазском войске. Так, владетельный князь Абхазии Келешбей Чачба при нападении на Мегрелию использовал пушки: «Очень энергично Келешбей утверждал свои позиции в соседней Мегрелии, закрепив за собой крепость Анаклию на левом берегу Ингура. В 1802 г. он выставил 20-тысячное войско с 3 пушками против Григория Дадиани и взял в аманаты (заложники) его сына – наследника Левана»¹.

Мореходство и корабли. У абхазов знания по морскому делу накапливались веками. Самое существенное значение моря для истории края заключалось в развитии в этом регионе мореплавания. Черное море служило ареной политических и экономических сношений с древнейших времен. Часты были здесь и военно-морские столкновения.

В средневековые многочисленные документы сообщают о грозных морских набегах абхазов на Османскую империю. Боем с моря захватывались крепости, отбиралась султанская казна, брали пленных, оружие; неслучайно, видимо, сильный ветер на восточном побережье Черного моря носит название «Абаза». Боевые флотилии (по абх. ашхэар) абхазов состояли из десяток судов, вмещавших 50, 100, 200, 300 человек; суда имели глубокое дно, чтобы держать пленных, и с высоким килем, который завершался головой животного, часто змеи, собаки или волка; назывались они: «ашхуа», «амар», «хечапа», «маттавар»... В боевые походы иногда шли вместе с черкесами или донскими казаками².

Набеги абхазов морем распространялись на все Анатолийское побережье Турции. Официальные турецкие документы той эпохи пестрят жалобами на «непокорный народ Абаза». Набеги

¹ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 9.

² Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Сухум, 2004. С. 201.

производились вплоть до Стамбула и, как пишут источники, «и суда их (абхазов) бороздили воды Босфора»¹.

К. Кудрявцев в своем труде по истории Абхазии отмечает: «В те времена абхазцы славились своими набегами и морскими разбоями, даже в такой стране, каким являлся Кавказ и Малая Азия в XVII и XVIII веках. Топот коней лихих абхазских джигитов приводил в страх и трепет жителей всех соседних стран, а их мелкие суда бороздили воды Босфора и смелость их набегов знало все Черноморское побережье. Они нападают, не разбирая, на горские, грузинские и на турецкие области»².

Следует отметить, что, прия к власти в 80-х годах XVIII в., владетель Абхазии Келешбей Чачба провел военную реформу.

В случае военной угрозы стране Келешбей в считанные часы выставлял хорошо вооруженное 25-тысячное войско с артиллерией, конницей и даже флотом. До 600 военных галер владетеля постоянно крейсировали вдоль Черноморского побережья и в страхе держали жителей от Батума до Геленджика. А в начале XIX в. Келешбей построил 70-пушечный корабль и подарил его турецкому султану³.

Французский консул в Тифлисе Гамба в 1824 г., не смея выйти на западном побережье Абхазии, отмечал, что эта часть Абхазии, где расположена бухта, не признавала правительства, назначенного Россией, и, как во времена Страбона, абхазские племена жили морским разбоем и грабежами. Поэтому ему невозможно было сойти на берег. Также он отмечал, что наличие больших 8-весьельных барок на всем Черном море имеется в наличии только у абхазов. На основании личных наблюдений он писал: «Народы

¹ Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Сухум, 2004. С. 204.

² Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1922. С. 18.

³ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми, 1990. С. 8–9.

Черкесии и Абхазии с незапамятных времен занимаются пиратством.... После того как победы императрицы Екатерины открыли ей доступ к Дарданельскому проливу и он стал доступен почти всем морским державам, с тех пор черкесы и абхазы снова стали заниматься морским разбоем. – Далее он продолжает: – Искусство судостроения (в Черкесии и Абхазии. – *Д. И.*) значительно более развито, чем на берегах Хопи (Хоби) и Фазиса»¹.

Э. Реклю в своем труде «Земля и люди» писал, что абхазские корабли с экипажем до 300 человек отваживались атаковать анатолийский берег от Крыма до Босфора. Для морских разбоев абхазы употребляли длинные и остроконечные галеры, чрезвычайно быстрые на ходу, без палуб, иногда о двух мачтах, в 8, 12, 18 и 24 весла.

Э. Спесер в 1830 г., длительное время находившийся на восточном побережье Черного моря, так описывает суда черкесов: «Вскоре несколько длинных судов, которые несли на плечах мужчины к берегу, были спущены на воду, и мы были посажены на корабль дюжиной смелых людей, поющих хором «ха-ри-ра», которые начали разгружать товар, и в невероятно короткое время, включая наше судно, было у берега, последнее уютно укрыто от взгляда в маленькой речке, затерянной величественными деревьями.

Судна черкесов были плоскодонными и узкими, каждое управлялось от 18 до 24 гребцами, и они, должно быть, были самыми опытными в этом управлении, так как они двигали суда с большой скоростью. Недалеко от штурвала была разновидность палубы, на которой сидели три или четыре человека; нос лодки был украшен грубо вырезанной фигурой, представляющей, возможно, голову оленя, козла или барана; самое вероятное последнее.

¹ Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Сухум, 2004. С. 204.

Имели ли древние греки подобную фигуру на носу своих судов? Иногда эти лодки строились огромными, чтобы вместить от 40 до 80 человек. Когда они управлялись помимо гребцов угловым парусом и ранее наводили ужас на моряка, который неосторожно или вследствие изменений погоды приближался к черкесскому берегу, так как кавказские племена были в то время самыми отъявленными пиратами»¹.

Дж. Белл (1837–1839 гг.) описывает, как черкесы и абхазы атаковали с моря на лодках и с суши Гагринское укрепление, и далее он сообщает, как был отбит десант российских кораблей в Адлере, прибывший с целью уничтожить торговый порт владельца Адлера Беслана Арыдба, причем противник потерял убитыми и ранеными около семидесяти человек, а абхазы не имели потерь.

Существовали специальные гребные песни, как «Шэах амарцъа» «Гребите сильнее и мощнее». Ниже мы приведем специальную «Песнь моряков», записанную Жужей Акаюба со слов своей бабушки Отыр-пха Мсыгуды:

Уа раадерахаха-уа-уа!

Уа уарадера уа!

Неустрашимые моряки уа!

Препев:

Уа уауая!

Уа уарапира уауая!

У а уая!

Великие крепости стоят в Псырцхе.

Препев:

Парусные корабли вас там ожидают.

Препев:

Рассекая волны, идите по морю.

Препев.

Моряки молодцы!

¹ Там же. С. 208–209.

В ночных грезах молодых девушек Вы предстаёте перед ними!

Припев:

Их любовь стремится перейти море.

Припев:

Волны ожидают вашего возвращения обратно.

Припев¹

Военное дело абхазов многогранно. Его исследование и изучение требует аккумуляции данных абхазского языка, мифологии, фольклора, археологических данных, этнографических материалов и письменных источников.

¹ Гожба Р. Х. К истории мореходства у абхазов: мифология, фольклор, история // Абхазоведение. Сухум, 2004. С. 210–211.

ИСТОРИОСОФСКИЙ АСПЕКТ ВОЕННОГО ЭТИКЕТА АБХАЗОВ (XIX – ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX В.)

Известно, что на развитие истории отдельно взятого народа или государства оказывают влияние различные факторы: географическое положение, окружающая среда, особенности экологической ниши, внешние связи, межкультурные отношения. Так или иначе, они воздействуют на становление культуры, быта, обычая, традиций, мировоззрения, этнопсихологии народа.

Абхазия находится на стыке двух миров – Запада и Востока. Издревле этот регион в силу своего географического расположения был местом средоточия интересов великих держав. Отмечая этот факт, Даниил Мордовцев в своем историческом романе «Прометеево потомство. Роман из истории последних дней независимости Абхазии», писал: «...Абхазия – это дщерь той дивной, мифической и исторической Колхиды, именем которой полна вся классическая древность. Это – жилище мифической богини Эос, откуда каждое утро выезжал на небо на своей огненной колеснице лучезарный Гелиос. Там, по свидетельству Гомера, обитала и пленительная «светлокудрая дева Цирцея, богиня, сестра кознодея, Айэта; там, по словам Гесиода, в его «Теогонии», «Фемида родила Океану, богатую водоворотами реку Фазис» (Рион); там хранились лучевые стрелы «быстроно-го Гелиоса в золотых покоях» и оттуда «божественный» Язон на своем быстроходном корабле «Арго» привез золотое руно, несмотря на все козни Медеи. Там, говорит Эсхил в своем «Прометее», этого прикованного к горам Кавказа бога «оплакивали

воинственные, неустрашимые девы Колхиды и Океаниды», пока Геркулес не поразил своею стрелою орла, Зевсого палача, терзавшего печень бога, похитившего для смертных чащицу небесного огня. Туда, по свидетельству Геродота, заходил из Египта и Рамзес-Сезострис со своими полчищами. За этот дивный уголок земного шара проливали кровь и финикияне, и египтяне, греки и римляне, воины Митридата и генуэзские наемники...»¹.

В силу вышеперечисленных обстоятельств весь быт абхазов был построен на военизированных традициях. Свидетелями тому являются как обычай, мифология, устное народное творчество, героические песни народа, так и сообщения путешественников, историков и исследователей, начиная еще с эпохи ранней античности.

Различные формы бытовой культуры возникают и развиваются под влиянием различных социально-экономических причин. Генетические корни традиционного абхазского этикета, в значительной степени дожившего до наших дней, связаны частью с общинно-родовыми, частью – с военно-демократическими и феодальными условиями жизни. Как это было и у многих других народов (например, японцы с их этикетным кодексом «бусидо»), абхазский традиционный этикет, отмеченный в ряде случаев рыцарскими чертами, сложился в своих основных частях в среде родоплеменной верхушки и военной аристократии еще в эпоху т. н. военной демократии и раннего феодализма, к которому, по всей вероятности, относится возникновение и самого наименования хорошего, аристократического тона, досл. «по-дворянски» (аамсташэара). Народ в основном воспринял его, переработал и развил дальше. В результате такого взаимовлияния формировались правила и принципы общенародной традиционной культуры общения.

¹ Мордовцев Д.Л. Прометеево потомство. Роман из истории последних дней независимости Абхазии. Сухум. С. 15.

Военная демократия – заключительный этап распада первобытнообщинного общества и преобразования его в раннее классовое общество. Разложение общинно-родовых отношений привело к образованию родоплеменной, а затем и военно-феодальной знати. Она все более выделялась в экономическом и политическом отношениях, опираясь на появившиеся вместе с нею средства насилия (совокупность способов и предметов войны и принуждения), старалась узурпировать в своих руках власть над обществом¹.

Военные традиции – это исторически сложившиеся в вооружённых силах государства правила, обычаи, обряды и нормы поведения военнослужащих, как в мирное, так и в военное время, которые передаются из поколения в поколение, накапливаются и становятся добровольно соблюдаемыми принципами, обеспечивая преемственность прошлого, настоящего и будущего.

В современной гуманитарной науке, в частности культурологии, существует мнение, что война и культура – понятия несовместимые, и что культура возникает там, где люди вступают в отношения, отличные от состояния войны. Другие же исследователи с подобным утверждением не согласны, считая, что войны как форма взаимоотношений людей, наций, государств, возникнув на определенном этапе развития человечества, породили такое понятие, как «военная культура». Несмотря на осуждение и неприятие современным человечеством войн, нельзя не признать, что длительный исторический отрезок времени у целых народов и обществ война, в силу особых исторических условий, стала тем фоном, на котором долгое время протекала их жизнь, и для которых война стала ценностью на уровне общественных отношений. Возникло много нравственных, этикетных и других норм, регулирующих положение человека на

¹ Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 21.

войне. Мы также считаем правомерным выделение понятия военной культуры как особой подсистемы в рамках традиционной абхазской культуры и понятия «культура войны» как комплекса представлений о войне, системе нравственных и этических норм, регулирующих отношения людей во время войны.

Составной частью абхазской военной культуры стала выработанная ими за столетия жизни в условиях милитаризованного быта система нравственных и этических норм, регулирующих отношения людей во время войны.

При рассмотрении данной проблемы необходимо учитывать, что речь идет о норме сложившейся и освященной в этническом сознании как правильная модель, следование которой одобрялось и поощрялось. Однако это не означало, что эти правила соблюдались постоянно и всеми. Тем не менее, большинство их соблюдало, а их несоблюдение воспринималось как нарушение этой модели и не поощрялось, а в некоторых случаях даже наказывалось.

Говоря о правилах ведения войны, необходимо учитывать, что они имели свою специфику в зависимости от следующих факторов:

- правила, действовавшие во время войн и иных с ними открытых сражений;
- правила, действовавшие во время набегов;
- правила, действовавшие во время междоусобных войн внутри этноса;
- правила, действовавшие во время войны с чужим народом.

Как писал Ш. Инал-ипа, «...многие авторы, писавшие о кавказских народах, указывали на неугомонную страсть к приключениям, на бесконечные войны их между собой и с чужеземцами. Поэтому в военном деле и вооружении они продвигались вперед, пожалуй, значительно быстрее, чем в способах улучшения своего благосостояния и гражданского устройства. В част-

ности, у абхазских племен уже со времени раннего средневековья было много оборонительных сооружений – замков и крепостных стен со рвами; на вооружении имели, например, мечи, а во время наступательных операций прикрывались особым панцирем, который Прокопий Кесарийский называет «черепахой». Можно сказать, что весь быт и сознание были пронизаны военным духом¹.

Начало войны, согласно фольклорным данным, в старину сопровождалось официальным ее объявлением. При этом в рамках наглядной дипломатии использовался коммуникативно значимый предмет: противнику отправлялась сломанная стрела – знак объявления войны².

Следует указать на строго соблюдавшуюся неприкосновенность парламентеров (ацхражэхэаф): лица, уполномоченные одной из воюющих сторон для ведения переговоров с другой, не могли быть ни задержаны, ни убиты. У абхазов так и бытует поговорка: «Парламентер не может быть ни задержан, ни убит» (Ацхараражэхэаф – дкым, дшым)³.

Жизнь и сознание людей были проникнуты военным духом. Подготовка храброго и выносливого воина была одной из первейших задач воспитания подрастающего поколения. Все мужчины с детства умели свободно управлять конем и стрелять. Во взглядах на героизм и честь господствовали военные понятия. Так, считалось недостойным мужчины не только ходить без оружия, но и обезоружить человека было равносильно нанесению тягчайшего унижения и оскорблении. Таким же неприкосновенным считался и его боевой конь. Всадник воспринимал как личную кровную обиду, если кто-нибудь ударил его лошадь или даже задел плетью ее ухо.

¹ Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 22.

² Шарданов Б.Б. Черкесы и их прошлое // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода. Избранные произведения. Нальчик, 1991. С. 47.

³ Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 26.

Набеги считались геройством. Храбрость и бесстрашие превозносились превыше всего. Заслуживает быть отмеченной и такая деталь: у абхазов, мегрелов и других горцев разодраные полы черкески считались как бы похвальным показателем того, что носитель ее – бывалый воин, боевой мужчина. В результате всего этого возник культ мужчины-героя (ахатца, ахатцара). Соответственно в абхазской народной поэзии резко преобладают «песни мужества», прославляющие героизм (ахатцарашәа), храбрость и отвагу в боях с неприятелями и чужеродцами¹.

Если во время войн и открытых сражений бегство считалось позором, то во время набегов у абхазов оно рассматривалось иначе. При набеге необходимо было действовать по ситуации, использовать тактику внезапного маневрирования. Аналогичное явление наблюдалось и у черкесов. Так, К.О. Сталь писал: «Бегство во время боя не считается у черкесов стыдом, лишь бы только партия при первой возможности оправилась и, заняв удобную позицию, опять начала драться. Зато считается постыдным, если партия застигнута врасплох, если отдала без боя добычу, если у нее отбили лошадей и если, вступив в дело, партия не вынесла из боя тел своих убитых»².

Бросить добычу и уйти без боя, в целях спасения жизни, считалось большим позором и проявлением трусости. Добыча не являлась самоцелью, а была лишь знаком, символом воинской доблести.

Вплоть до второй половины XIX в. почти весь народ, то есть все «свободные» мужчины (нередко и женщины, которые иногда даже предводительствовали при набегах), были вооружены. Совершеннолетие определялось возрастом, когда юноша становился способным носить оружие. Вооруженные набеги

¹ Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.

² Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 142.

являлись источником богатства, а вместе с тем и славы для во-жаков и главарей. Они совершались, главным образом, с целью захвата скота (ашьамхи-раху – скот и другое добро, добытое в набегах) или пленников для последующей их реализации или использования в домашнем хозяйстве¹.

Среди правил, действовавших во время войны, были такие, которые абхазы строго соблюдали между собой и менее строго в отношении других народов. К числу таких правил относился запрет поджога жилищ и посевов. Жилище считалось у абхазов священным и неприкосновенным.

Автор XVII в. Арк. Ламберти говорит об абхазах: «Они не живут ни в городах, ни в башнях, но 15 или 20 семейств соединяются вместе и, выбрав вершину какого-нибудь холма, ставят на ней хижины и окружают их плетнем и глубокими рвами. Так поступают они для того, чтобы не подвергаться нападению даже туземцев»². По особенностям своей архитектуры, а также в общем ансамбле со двором и выгодным географическим положением некоторые из жилищ абхазов могли неплохо выполнять оборонные функции в условиях постоянного ожидания вражеского нападения со стороны моря или из-за гор. Как отмечал А. Фадеев, каждый феодал, могущественный «тавад», крупный землевладелец, обладавший определенным феодальным иммунитетом, старался выбрать место для своей резиденции на возвышенности, преимущественно с крутыми склонами, причем строили свой дом так, чтобы он одновременно мог служить и оборонительным сооружением, способным выдержать осаду или во всяком случае гарантировать от внезапного нападения, набега³. Следует, однако, отметить, что оборонительную функцию имели в

¹ Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 23.

² Малия Е.М., Акаба Л.Х. Одежда и жилища абхазов. Сухум, 2021. С. 158.

³ Фадеев А.В. Хозяйство и двор абхазского помещика накануне реформы 1870 г. // Материалы по истории Абхазии. XV в. Сухум, 1939. С. 111.

виду при строительстве жилища не только феодалы, но и крестьяне. Прежде чем строить дом, выбирали местность, удобную для наблюдения и для обороны, окружали двор стенами, рвами и т. д. Вышеуказанными условиями жизни в Абхазии феодального периода: войнами, набегами, враждой на основе кровной мести и, самое главное, условиями хозяйства, объясняется широкое распространение в Абхазии нефундаментальных и легко разбираемых жилищ. Об этом хорошо сказано у И.А. Аджинджала: «Абхазские крестьяне устраивали свои жилища легкими с тем расчетом, чтобы в случае войны, набега соседей, кровной вражды и прочее можно было в короткое время разобрать их и, захватив с собою на арбу главные части постройки, переехать на новое место»¹.

Среди военных обычаяй у абхазов существовал также запрет на убийство в доме. Даже если враг в исключительных случаях мог попросить кров, ему не отказывали. Более того, его принимали со всеми почестями.

Среди других правил, соблюдаемых абхазами на войне, и норм считалось большим позором попасть живым в руки врагов. Такой же обычай соблюдался и черкесами. Русские офицеры, участвовавшие в войне с горцами, отмечали, что очень редко удавалось брать черкесов в плен. Бларамберг писал о черкесах: «...когда они видят, что окружены, они сражаются отчаянно, дорого отдавая свою жизнь, и никогда не сдавались в плен»². В то же время при опасности попасть в плен они никогда не прибегали к самоубийству, так как у абхазов традиционно было отрицательное отношение к самоубийству. Такой же обычай бытовал и у черкесов. В связи с этим К.О. Сталь сообщал о черкесах: «Сдаться военнопленным есть верх бесславия и потому никогда не случалось, чтобы вооруженный воин отдался в плен. Потеряв

¹ Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 18.

² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 40.

лошадь, он будет сражаться до последней возможности и с таким ожесточением, что заставит, наконец, убить себя»¹.

«Больше смерти опасайся позора», – гласит абхазская пословица. Именно со страхом «потерять лицо», как говорили абхазы, связано жесткое требование абхазских военных обычаев – никогда не сдаваться в плен. Смерть в бою избавляла от опасности лишиться чести и унизительного, оскорбительного отношения со стороны победителей. Рассчитывать на милость и благородство противника, рискуя своей честью, абхазские воины не могли. Смерть предпочтительней, чем плен и рабское отношение. В то же время, к попавшему в плен противнику проявляли гуманное отношение.

Вековой обычай требовал, чтобы победитель, какого бы ожесточения не достигла война, даровал жизнь хотя бы одному человеку из стана врагов и отпустил его обратно на родину в качестве «горевестника» (ашэацъхэа), а вместе с тем запрещалось оплакивать тех, кто пал в бою за родину, ибо, согласно народным представлениям, оплакивают только умерших бесславной смертью, а слава героев воспевается в песнях и передается из поколения в поколение².

Большим позором считалась потеря оружия. «Смерть наездника в бою – плач в его доме, а потеря оружия – плач в целом народе», – гласила черкесская пословица³. Если наездник погибал, товарищи должны были не допустить, чтобы противник завладел его доспехами. Поэтому во времена войны часто заявлялись отдельные сражения между теми, кто хотел снять доспехи с убитого воина, и теми, кто старался не допустить этого.

¹ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Тифлис, 1900. Т. 21. С. 142.

² Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984. С. 24.

³ Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. С. 21.

В безвыходных ситуациях, чтобы оружие не досталось врагам, абхазы приводили его в негодность.

Абхазские военные обычай не допускали, чтобы тела погибших в сражении товарищей оставались в руках врагов. Аналогичный обычай можно было наблюдать и у черкесов. Д.А. Лонгворт по этому поводу писал следующее: «В характере черкесов нет, пожалуй, черты, более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших – о бедных останках мертвого, который уже не может чувствовать этой заботы. Если кто-либо из их соотечественников пал в бою, множество черкесов несется к тому месту за тем, чтобы вынести его тело, и героическая битва, которая затем следует, – явление такое же частое в сражениях черкесов, как и в старые времена на равнине у Трои, – зачастую влечет за собой ужасающие последствия...»¹.

С уважением и заботой абхазы относились и к телам погибших врагов. Если не было возможности вернуть тело родственникам убитого, считалось благородным поступком предать его земле со всеми необходимыми условностями. Во время междоусобных войн и столкновений среди самих абхазов тела погибших враждующие стороны не удерживали и возвращали беспрепятственно. Во время войн абхазов с другими народами последние нередко требовали выкуп за тела погибших, если таковые оставались в их руках. «Тела погибших на войне выкупаются, – сообщает Ф.Д. Монпере, – этим занимаются посланцы, которые приезжают обсуждать сумму выкупа за погибшего, предлагая в обмен быков, лошадей и другие предметы: здесь можно вспомнить Гомера, который описывает сцену выкупа тела Гектора»².

Сдавшиеся в плен во время боя пользовались у абхазов безусловной неприкосновенностью. Особые знаки внимания уделялись пленицам: их нельзя было вести пешком. Если среди

¹ Лонгворт Дж.А. Год среди черкесов // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 569.

² Монпере де Ф.Д. Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Нальчик, 2002. Т. 2. С. 452–453.

пленников оказывались женщины, их везли только верхом, посадив сзади себя на круп коня.

Во время боя считалось зазорным нападать на безоружного или раненого, не могущего оказать сопротивление человека. Даже если кто-то и позволял себе подобное, его сравнивали с женщиной, говорили, что он не мужчина.

От социально-экономической структуры общества, как известно, зависит и ее военная структура, особенности военной тактики и стратегии.

В таком обществе эталоном воина оставалась не столько дисциплинированность, сколько романтическая рыцарская удаль. Такая психология и мотивация абхазских воинов, когда во время сражения на первом плане нерационально оправданная смелость, ставившая целью решение определенных тактических задач, а соревнование в личной храбрости, демонстративное пренебрежение опасностью и презрение к смерти – характерная особенность абхазского удальства. Причем это связано не столько с религиозными взглядами, сколько с особенностями менталитета и военной культуры абхазов, выработавшихся за столетия борьбы за независимость.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Цъамбул Цъумбер-ипа Инцъгиа

Апсны атоурыхи аетнологиес ирызку
астатиақәа реизга

Джамбул Джумберович Инджгия

**Сборник статей по истории
и этнологии Абхазии**

Редактор Алексеева Т.Ю.
Компьютерная верстка Беренджи A.Ш.

Подписано в печать 18.04.2025 г.

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист 8.25

Тираж: 200 экз.

*Отпечатано в соответствии с
предоставленными материалами
в типографии АГУ*

г. Сухум, ул. Университетская 1.

E-mail: tipogra iya.agu@mail.ru